

ПРИЗРАК

12+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Потехин

Призрак

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Потехин Д. В.

Призрак / Д. В. Потехин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

После пророческого видения высокопоставленный нацистский чиновник понимает, что дни его сочтены, а смерть будет мучительна и позорна. Единственный способ обмануть судьбу - создать себе филактерию, в которой после смерти будет продолжать жить его сознание. Тот, кто найдет и откроет филактерию превратится в носителя и раба, заключенной в нее души. Через семьдесят лет московская студентка Ида находит удивительную "шкатулку".

Дмитрий Потехин

Призрак

Часть 1

Новый учитель

В тихий декабрьский полдень из деревни Шварцкольм по Козельбрухвег, простуженно сопя, быстро шагал молодой человек с портфелем в левой руке и чемоданом в правой. Ему можно было бы дать лет двадцать пять, если б не довольно малый рост, годящийся скорее для подростка. У него было вытянутое лицо с резко выступающими острыми скулами, интеллигентным лбом, и колючими глазами, скрытыми в тени мрачно нависающих бровей. Его нельзя было причислить ни к красавцам, ни к уродам. Его внешность была нейтральна, черты правильны и даже чем-то приятны, если не считать одну необычайную особенность: тонкая кожа так туго обтягивала кости лица, что придавала ему вид восковой маски. Едва ли даже через много лет на таком лице могли появиться морщины.

Налетавший время от времени ветер трепал полы пальто и норовил сорвать с головы шляпу. Ноги, обутое в легкие осенние ботинки без калош, давно онемели от холода.

Каменисто-серая, припорошенная сухой снежной пылью дорога вела вдоль седых полей и полупрозрачного, словно оцепеневшего от скуки, леса. Было тихо. Лишь из ветвей доносилась мелодичная, выдающая дятла, дробь.

Проходя мимо руин легендарной мельницы, разрушенной еще во времена Северной войны, молодой человек на миг остановился, думая: не взять ли ему на память камешек. Это была совершенно нелепая ребяческая идея, и он отогнал ее.

Молодой человек направлялся в школу. Он был наслышан об этой школе, немало прочитал о ней, но, как ни странно, ни разу даже не удосужился рассмотреть ее изображение на фотографиях. Видимо поэтому картина, открывшаяся его глазам по окончании пути, привела юношу в легкое замешательство.

Перед ним за кованной оградой стоял невзрачный длинный трехэтажный дом с сонными серыми окнами, с пожелтевшими от времени колоннами, поддерживающими блеклый фронтон без лепнины и герба. Совсем не похоже на ту величественную усадьбу за каменной стеной, которую рисовало ему воображение. Здесь не было даже сада. Просто двор, с торчащими кое-где неприглядными деревьями и скромным монументом в человеческий рост (взявшиеся за руки юноша и девушка), видимо символизирующим разрыв школы с ее темным прародителем. На вид дому было не меньше века, а со дня последнего ремонта минуло лет сорок.

Молодой человек открыл незапертые ворота, пронзив тишину коротким, но зычным стоном петель, и радуясь перспективе наконец оказаться в тепле, направился к дверям.

– Ах, слава богу, вы приехали сегодня! – говорила взволнованная полная дама в цветастом платье и стоптанных туфлях.

Она помогла гостю снять и повесить пальто.

– Вчера был такой ужасный ветер – почти ураган. Где-то, говорят, даже повалило деревья! Сама я не видела...

– Ну, значит, мне повезло, – неохотно улыбнулся юноша, всхлипнув больной носоглоткой.

– Вам принести чего-нибудь горячего? Вы наверно смерть как замерзли...

– Нет, не стоит, – прервал молодой человек.

Если ему и хотелось чего-то горячего, то только горячей ванны.

– Вам должна была прийти моя телеграмма.

– Да, да, конечно, – испуганно закивала дама. – Вы же...

– Новый учитель.

– Директор сейчас немножечко занят, я ему сообщу, что вы здесь. Минутку. Простите... а как мне вас представить?

– Моргенштерн, – с печальным достоинством произнес молодой человек. – Людвиг Моргенштерн.

– Ага. Присядьте, господин Моргенштерн. Минуточку.

Женщина спешно удалилась, покачивая широким задом, и зашлепала туфлями вверх по лестнице.

Людвиг остался в холле один. Прошелся от стены к стене. Оглядел себя в зеркале и сел на обитую красным сукном скамейку.

Вокруг было тихо и серо. Бледный зимний свет ложился на затертый паркет матовыми пятнами, отражался в листьях громадной монстеры в кадке. Сверху доносились веселые голоса детей. Их было совсем немного. Людвиг подумал, что большинство учеников вероятно разъехались по домам на время рождественских каникул.

Это была самая обычная школа, которую всего-то на всего построили в исторически выгодном месте. Едва ли в этих хмурых стенах могли высвободиться истинные таланты.

На лестнице слышались частые звонкие шаги и мимо, беззаботно болтая, прошли двое мальчишек лет двенадцати. На одном был щеголеватый узкий жилет с явно фальшивой цепочкой от часов и нелепая пестрая кепка. У второго рубашка наполовину выбилась из-под брюк.

Людвиг презрительно хмыкнул – ничего удивительного! Ветер свободы, шестой год бушевавший на улицах городов и деревень, очевидно давно ворвался в двери этой школы и перевернул все с ног на голову. Трудно было представить, чтобы при императоре ученики рядились, как им в голову взбредет, или, напротив, демонстративно плевали на свой внешний вид. Даже во время каникул подобное было совершенно недопустимо.

«Может, они и школьную форму упразднили?» – безрадостно подумал Людвиг.

Сверху донеслось уже знакомое шлепанье туфель.

– Профессор Кауц просит вас подняться к нему в кабинет! – объявила полная дама, сияя так, словно Людвиг ждало венчание.

Следом за хозяйкой Людвиг стал подниматься на третий этаж, на ходу поправляя свой уже изрядно помятый за время долгой дороги костюм. Пальцы, едва согревшиеся в тепле, вновь начали леденеть.

Подойдя к невысокой, замыкающей коридор двери с позолоченной табличкой «Директор», милая дама посторонилась и, стесненно улыбаясь, сложила пухлые руки в замочек, всем своим видом желая Людвигу удачи. Людвиг был тронут таким материнским участием.

Кабинет директора школы профессора Кауца напоминал дупло старого, сонного, не терпящего перемен филина. Никакой изящной мебели, ни одного предмета роскоши вроде костяных статуэток или картин в дорогих рамах здесь не было. Только безликие книжные шкафы, угрюмо загородившие стену, широкий, заваленный бумагами письменный стол и два коллективных фотопортрета, висящие на противоположной стене среди грамот и благодарственных писем. Особый, навевающий сладкую скуку, канцелярский запах довершал впечатление.

Господин Кауц сидел, ссутулившись, за столом и что-то медленно царапал на бумаге, поблескивая серебристым кончиком пера. Людвиг слышал о нем от своего отца. Слышал, но представлял его совершенно иначе.

Это был по-настоящему старый, сухой человек с морщинистым лицом и с безупречно лысой, отполированной как бильярдный шар головой. У него были седые, закрученные вверх усы, чем-то напоминающие крылья летящей чайки, и миниатюрная эспаньолка, похожая на кисточку для бритья.

Как только щелкнула дверь, директор перестал писать, и через круглые линзы очков на Людвиг уставились тусклые, но при том очень хитрые, иронично-коварные глаза мудрой рептилии.

– Людвиг Моргенштерн! – произнес он довольным, поскрипывающим голосом. – Проходите! Вот беда, никак не раздобуду кресло для посетителя. Надеюсь, не сочтете за грубость...

– Конечно, господин профессор, я с удовольствием постою! – покорно пожал плечами Людвиг.

Он тут же понял, что «с удовольствием» было совершенно лишним.

– Никогда не стой, если можно сидеть, никогда не сиди, если можно лежать, – профессор улыбнулся своими пушистыми усами. – Великая восточная мудрость. Правда, заканчивается она не очень хорошо.

Он покопался в ящике стола и вынул несколько листов печатного текста.

– Итак, господин Моргенштерн... Кстати, как поживает ваш отец?

– Уже лучше. Ему очень помог чистый альпийский воздух.

– Ну слава богу! Я бы ни за что не позволил себе пережить Генриха. Что за насмешка! Я всю жизнь курю, а у него, здоровяка, видите ли, астма! Итак, Людвиг, я ознакомился с вашим ходатайством. Стало быть, хотите преподавать демонологию и алхимию для младших курсов? – в потухших глазах Кауца сверкнул боевой огонек.

– Да, это всегда было моей мечтой, – скромно улыбнулся Людвиг.

Кончики усов директора ехидно поползли вверх, не предвещая ничего доброго.

– Ну что ж, не смею сомневаться в вашей компетентности. При вашем-то отце не знать на зубок демонологию было бы очень странно. Но... простите, вы почему-то решили вести еще и алхимию? А вы уверены, что вам это под силу?

– Да. Я уверен.

– Очень немногие молодые люди на моем веку смогли оправдать себя в этой должности.

Людвиг почувствовал, как его самомнение начинает таять словно ледяная глыба в марте. Это был бесчестный, но вполне ожидаемый прием.

– Я думаю, что моих знаний хватит.

– Так думаете или уверены? – почти рявкнул Кауц.

– Ну я...

– Ладно, проверим! – профессор небрежно махнул рукой.

Людвиг начал догадываться, с кем он имеет дело.

– Расскажите мне про... Ну про что же? Расскажите-ка мне... – он задумчиво забарабанил по столу желтоватым ногтем. – М-м... Да! Про камешек! Про наш любимый, незабываемый, трижды проклятый Философский камень.

Правая рука Людвига машинально стиснула пальцы левой.

«Могло быть хуже...»

– Э-э да, конечно. Мне начать с исторического экскурса или...

– Нет, сразу к теории!

– Кхм-кхм! Изготовление Философского камня включает в себя двенадцать этапов.

– Стадий! Двенадцать стадий.

– Да-да, извините. Стадий. Это обжиг, растворение, разделение, соединение, гниение, свертывание, вскармливание, очищение, ферментация, умножение и созидание.

– Что-то упустили, – грустно вздохнул директор.

Людвиг оцепенел.

– Что идет после ферментации?

В глазах у Людвига забегали панические искры. Господи, как же он мог споткнуться на таком пустяке?!

– Возвышение! Да! Я... я просто заговорился!

– Значит, говорите медленнее. У вас впереди целый урок. Продолжайте!

Переведа дух, Людвиг принялся описывать процесс создания Камня, сбивчиво, неуверенно, но все же избегая грубых ошибок. Он уже одолел самую опасную часть пути и потихоньку начинал ликовать, предвкушая скорый конец испытания, когда Кауц вдруг оборвал его на полуслове.

– Не получится! У вас не получится Белый камень!

– Н-но...

– Серебро! Забыли?

Людвиг уже было хотел записать себе поражение, но вдруг из его памяти вынырнула спасительная соломинка.

– Но в «Зеркале алхимии» говорится, что на этой стадии ничего нельзя добавлять извне.

– Хм! Да неужели? А я вам говорю, что без серебра и ртути никакой Белой тинктуры у вас не будет! И никакого Рубедо вы, следовательно, не достигнете!

Людвиг тяжело выдохнул и опустил глаза.

– Кроме того, я так и не понял, каким образом и за счет чего у вас установится внутреннее равновесие.

– Ну... Я рассчитываю на тщательный самоконтроль...

Директор отвалился на спинку кресла и жестом остановил поток неумелой импровизации.

– По-моему, вы ни разу не пробовали изготовить Философский камень дома, верно?

– Я знаком только с теорией.

Кауц насмешливо хмыкнул, сощурился дряблые веки.

– Знаете, я тоже знаком с теорией приготовления вишневого штруделя. Сейчас надену белый колпак и пойду учить наших поваров. Почему нет? Я же читал рецепт.

Он рассмеялся, уже беззлобно, хотя Людвигу от этого легче ничуть не стало.

– Ладно, бог с ним, с камнем. Расскажите про Палингенез.

Палингенез Людвиг знал еще хуже.

– Нет, молодой человек. Преподавать алхимию я вам не позволю, – скорбно и глубоко-мысленно произнес директор, потирая лоб. – Потом – возможно, но точно не сейчас. Ра-но-ва-то! Вы не станете держать на меня зла?

– Конечно, нет. Вы... вы совершенно правы, – ответил Людвиг севшим от стыда и досады голосом.

– Ну хорошо! – господин Кауц снова повеселел, и его глаза озарились энергичным, живым светом. – А теперь наступает время вашего реванша. Давайте, Людвиг! Поведайте мне все, что вы знаете про демонов, призраков и про нежить.

Людвиг вздохнул с облегчением: по крайней мере, его все же не собираются выставлять за порог.

Следующие десять минут пролетели, как один миг. Людвиг еще не успел перечислить всех низших демонов, когда директор многозначительным дирижерским движением призвал его к тишине. Лицо профессора выражало глубокое удовлетворение. Вопреки ожиданиям Людвига, он даже не стал задавать каверзных вопросов.

– Об одном вас прошу: поменьше эмоций. Вы же не про редких зверушек рассказываете, а про галимую нечисть. Как-никак.

– Демоны – моя слабость, – виновато улыбнулся Людвиг.

Кауц непонимающе скривил рот и пожал плечами.

– Вы будете преподавать первому, второму и третьему курсам – это еще совсем дети. Мальчишкам нравится все темное и страшное, но мне бы не хотелось, чтоб они переняли вашу «слабость».

Людвиг в который раз мысленно проклял собственный язык.

– Кстати говоря, как вы относитесь к детям?

– Положительно, – солгал Людвиг.

– Это хорошо. Хорошо, потому что с дисциплиной сейчас... совсем не то, что раньше.

Людвиг кивнул, отчетливо представив малолетнего идиота, натирающего доску свечой.

– Восемьдесят марок в месяц. Плюс трехразовое питание и комната во флигеле. К сожалению, мы все сейчас пленники самого страшного демона под названием инфляция, и неизвестно, какой будет ваша зарплата завтра. Философский камень, способный обуздать курс доллара, пока не изобретен.

Господин Кауц и Людвиг обменялись грустными смешками.

– У вас будет достаточно времени подготовиться. Вы ведь не собираетесь отсюда уезжать?

– Нет.

– Хорошо. Значит, до начала семестра будете помогать нашей хаузмайстерин по хозяйству.

Людвиг, содрогнувшись, осмыслил эту весьма унижительную перспективу и через силу натянул на лицо подобие улыбки.

– Мы ведь не можем вас обеспечивать просто так, – виновато всплеснул руками Кауц. – Работа негрозная: почистить снег, вытереть пыль, вернуть лампочку.

– Я согласен.

– Сейчас фрау Глобке покажет вам ваше жилье. А потом поднимайтесь на второй этаж, кабинет номер сто семь – ваш будущий коллега и куратор профессор Голлербах ознакомит вас с основами нашей программы. Все книги получите в библиотеке.

– Благодарю вас, профессор, – Людвиг покорно склонил голову.

Директор хотел напоследок дать ему какое-то доброе напутствие, но лишь ободряюще кивнул и, поправив очки, вернулся к работе. Будто и не питал никогда слабости к пространным беседам. Людвиг покинул кабинет в смешанных чувствах.

«Ради будущей профессии можно пожертвовать и достоинством», – стоически рассудил он.

В оставшееся время каникул живущие при школе ребята с интересом поглядывали на странного, молчаливого типа с восковым лицом, мрачно вытирающего на лестнице пыль или поливающего из лейки цветы.

Людвиг в те дни принципиально не разговаривал ни с кем, кроме начальства. Однажды во время чистки снега ему в лицо прилетел неловко запущенный каким-то первокурсником снежок. Людвиг смахнул со щеки жгучую ледяную слизь, окатил мальчишку испепеляющим взглядом и, грозно сопя, вернулся к работе. Он не знал, что благодаря этому происшествию среди учеников пошел слух, будто школа взяла на работу глухонемого. Миф этот, впрочем, просуществовал недолго и рассыпался в прах с началом нового семестра, когда Людвиг вдруг появился в школе в своем новом неожиданном качестве с пенсне на носу.

Ида

Ида гордо помахала раскрытой зачеткой. Закинула на плечо веселый худой рюкзачок, расцеловалась на прощание с подругами, сидящими в коридоре и ждущими, когда их наконец-то вызовут тянуть билеты. Быстро перебирая ногами ступеньки, спустилась на первый этаж и, отворив необычайно тугую, тяжелую дверь, вырвалась в сияющий всеми красками июня, солнечный, жаркий, но при том все еще по-майски свежий день.

Москва светилась. Солнце омывало стены старинных домов, пылало белым огнем в стеклах и фарах машин, играло миллионами искр в юной трепетной листве. Голубое небо было необыкновенно темным и густым, словно глубокий океан – оно причудливо, как в воде отра-

жалось в окнах, заливая их нежной морской лазурью. Снопам белоснежного пуха висели низкие облака.

Ида сняла надетую поверх майки куртку и завязала ее на поясе. Сунула в уши маленькие жужжащие затычки наушников и, как всегда, неспешно и плавно двинулась вверх по Калашному.

Ида мало походила на жительницу столицы, да и вообще на девушку с планеты Земля.

Она была очень худа. Стройная и гибкая, как ящерица с тонкими длинными пальцами и острыми плечами. У нее было аккуратное лицо, которое, впрочем, выглядело по настоящему красивым только в профиль. Высокий лоб и восходящие брови не добавляли ей строгости благодаря глазам. Большие, всегда полуприкрытые, цветом напоминающие вечернее море – казалось, что к жизни и к людям обладательница этих глаз относится с мудрым безразличием. Но это было не совсем так. У нее был бледный, немного вздернутый нос. Рот украшали резко очерченные губы с глубокой, спускающейся от носа канавкой. На скулах играли робкие веснушки.

Волосы у Иды тоже были необычные: длинные, светло-русые, похожие на жухлую, выжженную летним зноем траву. Благодаря волосам она чем-то напоминала юную ни то колдунью, ни то лесную владычицу. Ида почти никогда не собирала свои волосы в хвост или в пучок, и не думала их красить.

Из одежды Ида носила что попало, совершенно не следуя законам стиля и не вспоминая о его существовании. Единственными требованиями к одежде были простор и легкость. Джинсы и туфли слишком стесняли движения. Ида одевала пестрые шаровары из тонкой ткани, либо какие-то забытые модой спортивные костюмы с кроссовками или сандалиями. Благо, институт, где она училась, не знал ханжеских порядков.

Стоит отметить, что легкость в одежде Ида возмещала, цепляя на себя дикое разнообразие бус, кулонов, браслетов и колец, сделанных из ракушек, камешков и дерева. Она не питала тяги к драгоценным металлам и камням. Даже ее сережки были костяные и прищепляли уши подобно прищепкам, не ранив их.

Она носила православный серебряный крестик, хотя считала себя буддисткой, а еще маленький амулет в виде глазка и кольцо на шнурке, а-ля Толкиновский Фродо.

Образ довершали деликатно сидящие на переносице стрекозиные очки, из-за которых большие глаза Иды и вовсе казались огромными.

Когда Ида дошла до Арбатской, в кармане ожил мобильник. Звонил Андрей. Оказалось, что он еще только выезжает из гаража.

– Тогда на Баррикадной! – уголком рта улыбнулась Ида.

Она некоторое время колебалась, выбирая путь для небольшого путешествия: это могли быть тихие, звенящие от птичьих и детских голосов изумрудно-тенистые бульвары, либо гудящий и особенно ослепительный благодаря своему простору и размаху Новый Арбат. Старый Арбат выглядел слишком игрушечным и совершенно не подходил для прогулки в такой день.

Рационализм подсказывал, что следует идти в сторону Пушкинской, чтобы Андрею не пришлось ждать. Не желая быть рациональной, Ида двинулась вниз по Арбату.

Она любила Новый Арбат ранним летом. Особенно на закате или с приближением грозы. Пустое пространство между зданиями, похожими на раскрытые книги, было огромно, и кроме готической башни МИДа ничто не выглядывало из-за них. Создавалось впечатление что никакой Москвы за домами и вовсе нет, а есть только прекрасное небо и неведомая земля. Впереди текла река, но Иде казалось, что это бескрайний океан, из глади которого причудливыми скалами вздымаются громады далеких высоток.

Ида шла, тихо напевая что-то из «Отверженных» и мягко касаясь подошвами кроссовок сверкающей на солнце плитки.

По мере того, как она приближалась к Москве-реке, людей вокруг становилось меньше. Это было на удивление безлюдное для центра Москвы место – мало кому приходило в голову ходить там, где не останавливается пассажирский автобус и нет удобно расположенных станций метро.

Ида вдруг заметила, что идет совсем одна, в компании бесконечно летящих куда-то, сверкающих машин, среди величественных глыб под девственно синим куполом неба. Лишь возле моста одинокими муравьями сновали дорожные строители. Иде казалось, она попала в какой-то футуристический мир, вроде тех, что любили рисовать художники-мечтатели на заре советской эпохи. Явь вдали, окутанная сухой дымкой, напоминала пустынный мираж. Из-за палящего света еще одна сталинская высотка и возвышающиеся за нею стеклянные башни сливались в один плоский, будто нанесенный на огромное стекло рисунок.

Ида вспомнила, как ровно год назад вышла погулять на Киевской и ни с того ни с сего решила вдруг добраться до небоскребов самыми дикими, нехоженными тропами. Как шла по пустынной набережной мимо тоскливо-величественной громады-ТЭЦ с высокими хмурыми окнами и серебристыми змеями каких-то странных, ползущих по земле труб. Как забралась по ступенькам на автомобильный мост и продолжала путь по эстакаде, прижимаясь к краю, чтобы не попасть под мчащиеся колеса. Тогда был примерно такой же теплый и ясный день, только дело близилось к вечеру. Москва выглядела прекрасным, но безжизненным нагромождением бетона, асфальта и стекла с яркими участками зелени и красочными полотнами рекламных щитов. Это было царство неудержимых автомобилей. Из людей Ида лишь пару раз видела работников стоявших в отдалении автомоек, похожих на безгласных одиноких зомби. Потом, спустившись наконец вниз и не найдя лучшей дороги, Ида поднялась уже на железнодорожный мост и двинулась вдоль сверкающих рельсов, которые привели ее в какое-то мрачное подобие ущелья – царство пустых, словно застывших вне времени пассажирских вагонов, яростно размалеванных заборов и ржавых ворот. Там ей тоже не встретилось ни души, кроме кучки бездомных, совсем не злых собак. Потом она пролезла на закрытую стройплощадку, бесшумно проскользнула мимо усталых рабочих из Средней Азии с черными от пыли и щетины лицами. С трудом вскарабкалась на четвереньках по крутому песчаному откосу и в перепачканных штанах, с ботинками, полными песка, неожиданно для себя очутилась на Кутузовском проспекте. Тогда Иде впервые открылся город без людей, и это было здорово, правда немного жутковато.

Андрей ничего не сказал Иде, когда та с виноватым видом открыла дверь и, бросив рюкзачок на заднее сиденье, села рядом.

– Не сердись! Я же не знала, что ты будешь так скоро.

– Двадцать минут, – пожал плечами Андрей. – Как обычно. А я тебя жду уже где-то час.

– Ну не час.

Ида подергала его за ухо.

– Ладно, ворчун, поехали.

Андрей благосклонно улыбнулся и завел двигатель.

Принадлежавший отцу Андрея бегемотообразный внедорожник, ласково рыча, несясь по волнам автомобильной реки, уносившей его все дальше от города. Бесконечной вереницей бежали золотистые стволы сосен и тонкие гнутые березки. Всюду играла и светилась зеленая, полупрозрачная, только что вылупившаяся из почек жизнь.

Ида смотрела на блестящие спины горделивых машин, казавшихся ей какими-то невероятными металлическими животными, на загорающую под солнцем гладь шоссе, похожую на бегущую серую ленту без начала и конца. Над головой пролетали стеклянные трубы надземных переходов. Впереди удивительно медленно ползла среди облаков какая-то светлая точка: ни то самолет, ни то вертолет.

Ида спросила, что это, но из-за жужжащих наушников сама не расслышала своего голоса, не говоря уж об ответе Андрея. Андрей выдернул из ее уха затычку.

– Самолет.

– А почему не НЛО?

– Не знаю... Их обычно видят ночью.

– А может, они летают и днем, просто мы их не замечаем, принимая за самолеты?

Андрей пожал плечами.

Они ехали все дальше, не думая остановиться или свернуть с шоссе. Кроме встречавшихся порой на пути мимолетных пробок ничто не нарушало идиллию движения. Дорога продолжала бежать под колеса, мелькая крохотными блестками камешков. Леса, луга и деревни сменяли друг друга как кадры диафильма.

Пролетело время, и Ида увидела, как солнце, утомившись за день, скачет по темнеющим кронам деревьев, цепляясь за них лучами, наперегонки с машиной.

Ида любила закатные часы, но не могла отделаться от чувства, знакомого ей с детства. Чувства, что там за деревьями спрятана какая-то страшная загадка. Страшная, темная и глубоко печальная, как чудище из «Аленького цветочка».

«Что же там?» – думалось Иде.

Они остановились в мотеле на ночь, а рано утром, легко позавтракав, продолжили путь. Под прохладным, еще не отошедшим от дремы, рассветным солнцем, рассеченный привычной полосой шоссе, раскинулся новый пейзаж, от которого Ида за много лет, проведенных в Москве, уже успела отвыкнуть. По обе стороны от дороги вместо прекрасных, но одичавших без хозяйской заботы лугов, вместо заросших бурьяном оврагов и болотеч, простирались бронзовые пашни с аккуратными, словно вышедшими на парад, юными рядками кустистой зелени. Вдалеке то тут, то там виднелись занятые делом трактора с культиваторами. Леса выглядели совсем не так, как вчера: не дремучие, не бескрайние, не те в которых живут Леший с Бабой-Ягой. Они напоминали прирученных зверей и были надежно окружены возделанной человеческой землей. Не леса, пожалуй, даже, а лесочки.

Редкие деревянные домики тоже казались какими-то не такими. Они напоминали старые лубяные коробочки – не обветшалые, но, пожалуй, немного поистрепанные временем, с шероховатыми облупившимися стенами и пыльно серыми шиферными крышами.

– Что-то не впечатляет! – с наигранным высокомерием заметил Андрей. – И дорога не ахти, ничем не лучше наших. И деревни бедноватые.

– Ну... не Европа, – равнодушно промолвила Ида, которой совсем не хотелось вдаваться в выдуманную мужчинами ерунду под названием «политика».

Она приоткрыла окно, и в салон с шумом ворвался теплый игривый ветер.

Они довольно долго ехали по шоссе, не встречая по пути ничего, кроме скромно-живописных деревушек и каких-то блеклых сельскохозяйственных построек. Ида фотографировала аистов, сидевших на водонапорных башнях, словно мудрые отшельники. Андрей что-то бубнил про разрекламированный социализм и потемкинскую деревню.

К одиннадцати часам путешественники достигли Минска. Припарковали машину и отправились гулять, куда глаза глядят.

Город почти не изменился с тех пор, как Ида видела его последний раз семь лет назад. Таков был его характер.

Все те же холодные, но гордые сталинские дома, не изукрашенные назойливой рекламой. Те же уютные, чистые улочки и широкие, не собирающие автомобильных пробок проспекты. Те же тонкие деревья по краям тротуаров и старомодные гирлянды фонариков, перекинутые от одного здания к другому.

На всем лежала тень достоинства и какой-то необъяснимой, уже забывшей о своих истоках, печали. Ида иногда фантазировала, как выглядели бы города, будь они людьми: Москва –

напыщенная, разодетая купчиха, Петербург – обедневший и от того озлобившийся потомственный дворянин с бледным лицом. Минск представлялся ей невысоким военного вида юношей с честным грустным взглядом и, как ни странно, с уже начавшими сесть волосами. Почему – Ида не знала, однако рисовала себе его именно таким.

Это был иной мир. Прежде всего очень тихий – не знавший рычания мотоциклов, развязанной музыки, ругани и громкого смеха.

Неспешно катились по улицам одинаковые салатовые троллейбусы и узкие голубые трамваи. Тесными кучками работали дворники. Андрей глядел на них, как на летающих слонов, впервые в жизни не видя под оранжевыми кепками смуглых лиц.

Людей было мало, и все они казались плохо выпавшимися или погруженными в свои далекие мысли. Как будто, в самом воздухе здесь висел невидимый газ, замедляющий биение сердца в груди.

Ида и Андрей прогулялись по историческому центру, заглянули в Красный костел, зашли в музей войны (там Андрей до одури фотографировал танки и висящие под потолком истребители). Доехали до знаменитой стеклянной библиотеки, уже не казавшейся Иде такой жуткой громадиной, после семи лет жизни среди московских великанов.

Нагулявшись до одеревенелых ног, он и она присели на автобусной остановке, от которой несколько секунд назад предательски отошел автобус. Ида облизывала мороженное, а Андрей все больше косился на обклеенную рекламами и объявлениями афишную тумбу, стоявшую неподалеку.

Ида вспомнила, что в Москве такие тумбы-башенки исчезли много лет назад.

– А мне такие нравятся.

– Что?

– А... да так, ничего, – Ида махнула рукой, поняв, что Андрей смотрит вовсе не на тумбу, а на то, что там изображено.

Андрей встал со скамейки и подошел к тумбе, с насмешливым недоумением разглядывая одну из наклеенных листовок.

– Олег Барабанов.

– Ну и что?

На афише красовался небритый, по пояс голый человек лет тридцати пяти с мускулистым, расписанным татуировками торсом и с электрогитарой в руках. Черные стекла скрывали его, по всей видимости, свирепые глаза. На груди сверкал гротескно-большой крест.

– Концерт «Голос Стрибога» в ночь на шестнадцатое июня.

– Ну и?

– Как же его усатый в страну пустил?

Ида пожала плечами.

– А что с ним не так?

– Да он придурок. Ты что не знаешь?

Андрей рассказывал Иде о хулиганствах Барабанова на ток-шоу и о том, как он на спор поджег себе бороду.

– А больше о нем ничего не знаешь? – раздался позади таинственный женский голос, полный снисходительного презрения.

Андрей изумленно обернулся.

– Песен не слушал? – продолжала статная брюнетка – обладательница безупречно черных ногтей и вишневых губ в изрезанных джинсах, с металлической каплей в брови.

– Не-а, – улыбнулся Андрей.

– Круто! А Высоцкий был бабник, алкаш и наркоман. Да еще охмуритель рабочих масс. Андрей хотел возразить, но, подумав, примирительно кивнул.

– Ладно, сорри. Верю тебе, что он гений.

– Да какой гений, мама упаси!

– Ну а тогда...

– Он просто человек, такой же как я, ты и она, – брюнетка кивнула на Иду, – Только на публике носит маску. Закончил истфак МГУ, знает все славянском о язычестве, бывший археолог-любитель.

– М-м...

– А востоком он не увлекается? – спросила Ида, которую ничуть не задела развязность незнакомки.

– Нет, вроде бы... Хотя в Индии в Гималаях был.

– Люблю Индию.

– Мой парень вместе с ним на раскопки ездил. Давно еще. В середине двухтысячных. Брюнетка с изяществом фокусника вынула и зажгла сигарету.

– Я Галина.

– Андрей.

– Ида.

– Классное имя. Вы туристы?

– Из Москвы.

– Сразу видно! И как у вас там, в сердце империи?

Они разговорились, и Ида быстро обнаружила в этой черной остроклювой галке глубокую, по-своему обаятельную натуру. Андрею она тоже понравилась, возможно даже слишком, но Ида запретила себе обращать на это внимание. Все же, когда та заговорила о книгах каких-то малознакомых Маркеса и Кутзее, Иде сделалось некомфортно: ведь она считала себя уже вставшим на ноги литератором.

«Хоть бы перевести разговор на историю религий – уж там бы я ее поколотила!» – подумала Ида.

Она заметила, что новая знакомая носит на шее круглый амулет из потускневшего бежевого металла, вероятно из бронзы. Какой-то славянский символ, но какой именно Ида не припоминала: то ли ладинец, то ли колядник.

Вместе с Галкой они вернулись в центр города, где та показала им прокуренную полуподвальную кафешку – излюбленное место поэтов и бардов.

– Тут вам не Москва. У нас таких заведений раз, два и обчелся!

Она распрощалась с Идой и Андреем, оттопырив напоследок два когтистых пальца, и быстрой независимой походкой удалилась восвояси.

Ида захотела спросить у нее фамилию, чтобы потом найти через соцсеть, но, поколебавшись, решила не усложнять. Переписываться имеет смысл с теми, с кем можно встретиться – так подсказывал опыт.

– А я и не знал, что тут такие существуют, – хмыкнул Андрей, когда они двинулись в сторону своей брошенной где-то возле автовокзала машины.

– Не всем же носить пионерские галстуки. В следующий раз не смейся, когда увидишь слово «Цирк», написанное через «ы». Это неприлично.

– Заметано. Извини.

– Окей.

Андрей тихо обнял Иду за ее худое плечо.

Плохое начало

Фред заметил, что сидящий впереди него Георгий снова заглядывается на Эрику. Он оценил возможные последствия, взвесил все «за» и «против», потом окунул в рот указательный и средний пальцы и нежно приложил их к щеке своего заклятого приятеля.

– Долгожданный поцелуй! – прошептал он со змеиной усмешкой.

Георгий резко повернулся, громыхнув стулом. Его тускло-голубые глаза пылали яростью обезумевшего в пылу схватки берсерка.

– Придурок! – зашипел он сквозь зубы.

– Просто хотел подсластить твои мечтания...

Георгий быстрым кошачьим движением врезал Фреду по уху.

Фред сморщился от боли, но через миг забыл о ней, словно увидел на плече у друга страшного паука.

– Упс... Цахес!

Георгий тотчас развернулся, оба замолкли и выпрямились.

Людвиг Моргенштерн приближался к ним, грозно поблескивая стеклами пенсне.

– Что происходит? – спросил он ледяным тоном.

– Мы... как раз обсуждали то, что вы рассказывали, – промолвил Георгий.

– И что же я рассказывал?

Георгий не нашелся, что ответить и злобно сверкнул глазом на Фреда: тот, будучи зачинщиком, имел шанс выйти из воды сухим.

– Повторяю вопрос: что я рассказывал?

Господин Моргенштерн был не на шутку разозлен, и весь класс теперь устремил взгляды на незадачливых хулиганов, предвкушая славную потеху.

– Ну вы...

Откуда-то с передних рядов долетел спасительный шепот.

– Тихо! – рявкнул Моргенштерн.

Он наклонился и с ненавистью заговорил, перемещая взгляд с Георгия на Фреда и обратно:

– Все, кому неинтересен материал, могут собирать вещи и убираться из школы! Это понятно?

Фред и Георгий старательно закивали.

Господин Моргенштерн, раздраженно стуча каблуками, вернулся к кафедре.

– Как я уже говорил, огненные демоны не могут жить вне эфира и потому, как бы изолированы от мира людей...

– И как с него штаны не падают? – с отвращением фыркнул Фред, но Георгий его больше не слушал.

Прошло около месяца с тех пор, как Моргенштерн неожиданно для всех выпрыгнул из амплуа безгласного и безобидного помощника фрау Глобке по хозяйству. Первым делом он жестко, с металлической ясностью объявил, каким образом будут караться нарушения дисциплины, прогулы, неуспеваемость и невыполнение домашних заданий. На первом же уроке Людвиг не преминул продемонстрировать серьезность своих предупреждений: неисправимый клоун и главный бездельник получили шестерки и конспекты на дом, а также наказали весь класс письменной работой.

Людвиг был доволен собой. Управлять классом было все равно, что управлять обществом в миниатюре. Здесь были свои предводители, своя интеллигенция, свои приспособленцы и свои парии. Людвиг хорошо знал, что скрывается под невинными масками детских лиц, и не давал преимущества никому.

Однажды после урока к нему в коридоре подошел профессор Голлербах.

– Вы уверены, что действуете правильно? – спросил он мягким, чуть обеспокоенным тоном.

– Простите?

– Я ценю вашу строгость и приверженность дисциплине, но... вы рискуете нажать врагов среди студентов. Это нехорошо.

– Я уважаю своих учеников, но жду от них взаимности, – улыбнулся Людвиг, в глубине души зная, что лжет.

Он не был способен уважать детей. Он также чувствовал, что ни один подросток ни за что на свете не станет уважать его. Бояться – возможно, но уважать – никогда. Он просто знал это.

Людвигу шел двадцать шестой год, но из-за проклятого роста тринадцатилетние щенки смотрели на него почти как на равного себе. У него чересчур выступали скуловые кости, слишком сильно белела переносица, голос в минуты раздражения срывался на фальцет... И это, не говоря уже о том, что он был самым молодым учителем в школе, совсем недавно выполнявшим обязанности дворника, благодаря этому дураку Кауцу!

Людвиг понимал, что своей строгостью, пусть и не выходящей за рамки дозволенного, он насаждает какую-то сомнительную тиранию, которая рано или поздно сыграет с ним злую шутку. Его сторонились, как злобного пса. О нем перешептывались. Над ним смеялись, в том числе и за его пенсне, которое, как подозревали студенты, он надевал специально для важности. Людвиг не был для них взрослым и, что самое страшное, не был взрослым ни для кого.

И все же он был доволен. Доволен той необычайно сладкой каплей власти, которая впервые в жизни упала ему на язык.

И действительно профессор Голлербах оказался прав: очень скоро на фоне безликой массы учеников стали вырисовываться первые настоящие враги. Это были двое русских – братья Гарцевы: Роман и Георгий. Роман учился на третьем курсе, Георгий на втором. Оба имели неприятно высокий рост, держались высокомерно и, кажется, плохо ладили друг с другом. Георгий был более скрытным. Роман несколько раз попадал в кабинет директора из-за драк, а один раз даже оказался там, вернувшись из Шварцкольма в пьяном виде. Тогда всерьез обсуждали возможность его исключения. При этом, словно в насмешку, оба имели хорошую успеваемость.

При том, что немецкий Гарцевы знали почти как родной, Роман взял моду, отвечая на вопросы Людвига, намеренно изображать русский акцент и делать вид, что не может вспомнить нужное слово. Каждое такое выступление сопровождалось бурным хихиканьем с соседних парт.

Людвиг чувствовал, что у него нагло выбивают почву из-под ног, однако вопреки собственным принципам, словно почуяв опасность, решил не наступать. Знания Романа были безупречны, и необходимости часто проверять их не было.

А вот с Георгием все обстояло иначе. Он не устраивал буффонады, как старший брат, был умеренно вежлив и даже робок. Единственное, что выдавало его подлинное отношение к новому учителю – так это глаза: совершенно недетские, сквозящие циничным холодом и спокойным презрением. Впрочем, иногда его как будто прорывало, и тогда уже в голосе Георгия внезапно проскакивали дерзкие нотки. Эта завуалированная презрительность и притворная робость бесили Людвига больше, чем любое оскорбление, брошенное вслух.

Со временем Людвиг стал отмечать, что Георгий без должного внимания слушает его на уроках и мало записывает. Это не сочеталось с отметками, которые он получал, впрочем, вероятно он, как и его брат, приобрел обширные знания за пределами школы.

Так или иначе, поведение младшего Гарцева не могло оставаться безнаказанным. Людвиг начал особенно тщательно проверять работы Георгия, подчеркивая самые незначительные ошибки и неточности. Потенциальные «отлично» превращались в «хорошо», потенциальные «хорошо» – в «удовлетворительно». Почти всегда к отметке приплетался длинный, жирный минус. Георгий, конечно же, это замечал!

Постепенно ту же тактику Людвиг начал использовать и против Романа, который вовсе не пытался скрыть свое недоумение и досаду, вплоть до того, что беззастенчиво подходил к Людвигу по окончании урока с расспросами.

Война еще не началась, но все говорило о ее приближении. Повод, как всегда, возник случайно.

Эрика Шмидт тихо рисовала что-то в своем любимом старом дневничке, когда Моргенштерн навис над ней неожиданно, словно призрак.

– Фройляйн Шмидт художница? – процедил он.

Эрика взметнула на него свои красивые глаза и тотчас захлопнула дневник, бледнея от испуга.

– Так, так, – Людвиг преспокойно взял у нее дневник. – Если фройляйн занимается *этим* на уроках, вместо того, чтобы записывать...

Он небрежно перелистывал страницы, пробегая взглядом по рисункам, определенно сделанным талантливой рукой будущей художницы.

– М-м... прелестно! Я заберу это у вас. А потом отошлю почтой вашим родителям. Возможно вы...

Глаза Эрики наполнились слезами. Людвиг вдруг почувствовал, что балансирует над пропастью.

– Возможно ваше место в художественной академии, а не здесь? Кто знает...

Он вернулся к кафедре и сунул дневник себе в портфель. Его губы были самоуверенно сжаты, однако в глазах нервно зашевелились крохотные огоньки страха.

После урока у Шмидт случилась истерика. Медсестра фрау Нойманн как могла успокоила ее, напоила валерьянкой и дала «пилюлю радости».

– Цахес уже всех достал, пора с ним покончить! – горячился Фред, сжимая кулаки и упорно не желая переходить на шепот.

– Смотри, как бы он тебя не услышал! – усмехнулся Карл. – Знаешь, кто его отец? Друг директора и председатель чего-то там! С такими лучше не связываться!

– Да ты вспомни, кем он был, когда пришел сюда. Он тут вообще никто!

– Никто и, все равно, делает что хочет! – раззадоривал Рудольф.

Они обсуждали план дискредитации Моргенштерна путем расклеивания на стенах обидных карикатур, а Георгий, впервые не прислушиваясь к своим друзьям, пытался подыскать нужные слова для утешения Эрики.

Эрика уже не плакала, но выглядела совершенно опустошенной. Она была уверена, что Моргенштерн с наслаждением прочитает ее дневник от корки до корки, а потом отошлет родителям, которые тоже его прочитают и возненавидят свою дочь. Георгий пытался ей объяснить, что все это глупости, но Эрика словно не слышала.

– А если я верну его тебе? – спросил Георгий.

– Как?

– Зайду к нему в комнату и возьму. А что в этом такого?

– Но это же...

– Это не воровство. Он сам вор! Вор и помойная крыса!

Георгий весело рассмеялся и нежно похлопал Эрику по спине.

Разумеется, на деле все оказалось гораздо сложнее, чем на словах. Проникнуть в комнату Моргенштерна можно было через дверь, которую он, как любой параноик, всякий раз основательно запирает, либо через окно. Правда для этого требовалось каким-то образом добраться через форточку до нижнего шпингалета: никакой рыболовный крючок тут бы не сгодился.

Существовал еще и третий, не самый простой, но, кажется, единственно верный способ. В комнату можно было проползти по старинной вентиляционной системе, проходящей внутри стен на уровне пола. В каждой комнате дома, включая флигельные, в углу имела красивая узорчатая решетка, которую без особого труда можно было высадить и вставить обратно.

Георгий тщательно обдумывал все тонкости и риски замышляемого предприятия. Надо было найти комнату с удобным расположением, зафиксировать в памяти путь, выгадать время...

Если Моргенштерн не солгал, времени могло оставаться совсем немного.

Дача

Когда они подъезжали к зеленому деревянному дому, спрятавшемуся за кустами облепихи и шиповника, у Иды сладко и нежно стиснулось сердце.

Перед глазами вспыхнула картинка из прошлого: она еще девочкой приезжает сюда с родителями в белой дедушкиной «Волге». Внутри приятный волнующий запах бензина. Открывается дверь, и она ступает в мокрую траву занемевшей от долгого трясучего сидения ножкой. Кругом свежий, живой, щебечущий мир, по которому она скучала осенью и зимой, и которого не могла дожидаться весной, сидя в серой, пыльной квартире.

Ида разглядывала дом, стараясь припомнить все до мельчайших деталей.

Дом небольшой, одноэтажный, но с уютным чердачком, где можно даже спать на раскладушке, глядя в небо через маленькое оконце. В главной комнате тяжелый самодельный обеденный стол, плита с газовым баллоном, холодильник и буфет. Есть еще две спальни. В одной у Иды осталась ее дачная детская библиотека, в другой стоит большой ламповый «Горизонт» с ужасно тугим переключателем и зернистой черно-белой картинкой. Даже если за все эти годы в дом кто-то влез, не было сомнений, что все вещи остались на своих местах. Если только вор не собиратель старья.

Напротив дома – обветшавшая и как будто даже съжившаяся под тяжестью своих лет баня с одним единственным окошком и развалившимся крыльцом. На месте поленицы осталась лишь куча мелких истлевших дров.

То, что было когда-то огородом, а потом садом, теперь переродилось в настоящие джунгли. Словно войско лихих кочевников участок захватила крапива и сорная трава. Посреди бывшего цветника нагло торчало семейство дудника, покачивая зелеными, еще не распушившимися парашютами. Место для теплицы отвоевали себе лопухи. Кусты малины совсем одичали и превратились в бесполезные колючие заросли, ползущие вдоль провололочной ограды и сующие сквозь нее свои цепкие когти. Темные лохматые облепихи скорбно склонились, как будто оплакивали царящий кругом беспорядок. В печальном недоумении торчала посреди сада единственная, доживающая свой век старушка-яблоня.

Ида вынула из кармана тяжелую связку ключей, взятую у родителей. Выбрав самый длинный, всунула его в висящий на калитке доисторический чугунный замок. С замком пришлось повозиться, сначала Иде, а потом и Андрею.

Когда Ида, отперев входную дверь, наконец-то переступила порог дома, странное чувство овладело ею. Дом словно глядел на нее печальными глазами преданного состарившегося пса, который только что очнулся от болезненной дремоты и еще не в силах поверить, что хозяйка наконец-то вернулась. Все в этом доме было жалким, покинутым и берущим за душу.

Радостно, точно повизгивая, заскрипел под ногами давно не хоженный пол.

Ида медленно обходила большую комнату, поглаживая рукой пыльную, рваную клеенку стола и стараясь воскресить в памяти забытый запах детства. Стулья, чайник, банки и занавески – все осталось, как было десять или двенадцать лет назад. Раз в год сюда ненадолго заезжал отец Иды, заплатить взнос и покосить траву. На столе и на подоконнике валялись засохшие мумии ос, шмелей, бабочек. Со стены улыбался детской улыбкой олимпийский медвежонок.

– Привет! – шепотом сказала Ида дому.

Ида взяла со стола пластмассовую банку из-под какао, которое пила давным-давно. Понюхала. Никакого запаха, конечно, уже не осталось.

На окне она заметила грязный граненый стакан с застывшими в нем, готовыми рассыпаться в прах от малейшего дуновения стебельками полевых цветов.

– Интересно, тут мыши есть? – задумчиво произнес Андрей.

Ида вспомнила, что во времена ее детства здесь водились другие мыши – летучие. Они мелькали над головой впотьмах, как мелкие крылатые чертики.

Пожалуй, следовало уже сейчас, без промедлений приниматься за работу – вытаскивать участок из многолетнего забвения, приводить его в чувство: мыть, подметать, косить, ремонтировать. Ничем таким Иде заниматься не хотелось. Более того, ее даже будоражила дикая красота заброшенной дачи. Правда, стоило ей представить себе клеща, падающего с ветки за шиворот, или гадюку, притаившуюся в траве, и сказочная идиллия рассыпалась в один миг. Да и Андрей, при всей его широте и понимании, на такое точно не согласится.

– Я немного побуду одна, – улыбнулась Ида и ушла в свою бывшую спальню.

В спальне тоже ничего не изменилось. Только все как будто уменьшилось в размерах, стало до смешного маленьким и детским. И ее кривоватая, сделанная дедушкой кровать, и аскетичный сервант, каких уже не увидишь, и низенький, почти игрушечный столик с выдвижным ящичком, покрытый волнами растрескавшегося лака. На стене висели два пейзажа, которые Ида сделала акварелью лет в пять-шесть и вязанная ушастая сова с глазами-пуговицами. Возле кровати – громоздкий, давно сломавшийся и покрытый пылью магнитофон. Ида вспомнила, как внезапно и странно он умер.

Она вдруг осознала, что есть кое-что не менее важное, чем ее книги и рисунки. Рядом с магнитофоном валялись две аудиокассеты в коробках с цветными картинками. Еще дюжину Ида нашла, открыв нижний ящик серванта. Старые детские радиоспектакли: «Царевна-лягушка», «Кот в сапогах», «Незнайка», «Питер Пен». В детстве их можно было слушать по десять, по двадцать раз с неподдельным и неугасающим интересом, зная наперед каждое слово и каждый раз открывая что-то новое.

Ей пришла в голову нелепая мысль, что, может быть, за все это время магнитофон каким-то чудом ожил. Но Ида вспомнила, что даже если так, в доме все равно нет электричества.

Она покопалась в серванте, достав оттуда массу разнообразных потрепанных книг: от совсем детских, которые ей читали в два года, до «Мэри Поппинс» и «Хоббита». Был еще альбом с ее детским творчеством, которое Ида с интересом изучила, удивляясь самой себе и вспоминая, как, когда и почему она такое рисовала.

Ида перелистала все книги, вдохнув неповторимый запах каждой из них. Потом она сняла кроссовки, легла на голый матрас и, по традиции закинув ноги на стену, раскрыла «Волшебника Изумрудного города» на случайной странице.

Элли затащил к себе в замок мерзкий Людоед, связал и начал точить нож.

Ида помнила, как ненавидела в детстве этот эпизод. Жуть нагоняло буквально все: и облик злодея, и его первобытные мотивы, и его безобразная смерть под лезвием топора.

Теперь Ида подумала, что в этой главе допущено сочетание несочетаемого. Людоед очень глуп, груб и примитивен, но живет не в пещере, а в замке, как какой-то аристократ. И на сумасшедшего каннибала он при всей своей ограниченности не тянет. Скорее простой разбойник-головорез, который ради удовольствия поедает своих жертв.

«Людоед-аристократ... Людоед-гурман...» – подумалось Иде. – «Бр-р! Мерзость какая!»

– Ид! – раздался недовольный голос Андрея. – Ида! Тут работы на пятерых! Подключайся!

– Сейчас иду!

Благо, Андрей не открыл дверь и не узнал, что его добрая подруга привнесла в окружающий хаос свою лепту. Комната выглядела так, будто по ней прошелся маленький смерч.

Словно очнувшись от дремы, Ида бросилась убирать книги и кассеты обратно в сервант.

Остаток дня Ида и Андрей трудились, приводя дачу в порядок. Ида мыла полы и окна, выносила из дома хлам. Андрей раздобыл в кладовке косу и кое-как наострился ею махать.

Потом включил счетчик, и Ида, без особой надежды щелкнув кнопкой, оживила суровый «Горизонт». На экране, шипя, замельтешили серые мурашки. Ида с треском повернула переключатель – тоже ничего. Щелк! Опять ничего. Щелк! Едва различимые образы: кажется, футбол, но без звука. На одной единственной работающей программе черно-белый человек говорил о необходимости введения дополнительных пошлин. Ида выключила телевизор.

– Ладно! Без телека даже лучше!

– Без такого точно лучше! – хмыкнул Андрей.

Они поужинали бутербродами, выпили чаю из термоса. Остаток работы было решено перенести на завтра.

Вечером Ида гуляла по пустынной дороге, наслаждаясь видами засыпающей природы и сизым, как васильковое поле небом. Последние лучи омывали темные облака, зажигая в них алую жизнь. Маленький полупустой поселок уже видел сны. Лишь в паре окон уютно, как в сказке, горели ночные лампы. Призрачной кромкой темнел за полями лес, укрывшись серебристой шалью тумана. Грустила о чем-то водонапорная башня.

Когда Ида вернулась домой, было уже темно. Над головой проносились летучие мыши.

Они спали крепко. Старые добрые стены отогнали сновидения, и не подпускали к постели кошмары. Ни один тревожный звук не нарушил ласковый покой цветущей летней ночи.

Вор

– Хрень задумал... – скептически проворчал Роман, снимая вентиляционную решетку. – Оpozоришься и баста!

Георгий смолчал, хотя ему очень хотелось послать брата с его предостережениями куда подальше. Он высоко закатал рукава рубашки и штанины, чтобы не запачкать их в пыли. Георгий не был болезненным чистюлей, но грязные пятна впоследствии могли стать уликой против него: береженого бог бережет.

– Ну давай!

Георгий на четвереньках пролез в широкую дыру и, чувствуя себя нелепым младенцем, пополз вперед по темному проходу, стараясь не задевать спиной низкий потолок. Благо он уже лазил по этому лабиринту на спор год назад.

Паутина мерзкой теплой массой облепила лицо. Правый локоть саднило, вскоре к этому присоединилась острая боль в колене. В боли не было ничего неожиданного, и все же Георгий сердцем почуял полную бездарность и бессмысленность своей затеи. Ради какой-то глупой плаксы! Он выругал себя. Ладно! Главное: добраться до комнаты Моргенштерна, выкрасть дневник, а там уже будет финишная прямая. Вылезти, на худой конец, можно и вечером. Правда тогда ему запишут целый ряд прогулов, но да катись оно все к чету! Эричка-истеричка получит свой ненаглядный дневничок!

Георгий не заблудился, быть может, благодаря чистой удаче. В комнате было пусто – Цахес на обеде. Старая решетка, тихо хрустнув, поддалась и упала на пол с чудовищным шумом.

Георгий радостно вылез, обегая каморку цепким взглядом вора. Дневник Эрики лежал на столе. Никто его, конечно же, не открывал и не читал. Наверное, Моргенштерн сам не знал, что будет с ним делать.

Георгий взял дневник, подумал, куда бы его засунуть, чтобы не испачкать. И вдруг...

Шурша, как чудовище из забытых детских кошмаров, в двери заерзал ключ. Георгий обмер.

Еще идя по коридору, Людвиг услышал донесшийся из комнаты резкий стук, будто упало что-то тяжелое. Когда он открыл дверь, первое что бросилось ему в глаза, была высаженная решетка и зияющий черный проем в стене. Людвиг почему-то подумал о крысах, хотя было совершенно очевидно, что это не они.

В следующий миг он понял, что с той стороны платяного шкафа, прижавшись к стене, стоит человек. Не веря самому себе, сгорая от любопытства и лихорадочного негодования, Людвиг сделал шаг и увидел мальчишку в нелепо закатанных штанах с оцарапанным коленом, держащего в грязных пальцах дневник ученицы Шмидт.

Людвигу захотелось схватить этого звереныша за горло и отхлестать по лицу. Но он овладел собой.

– Та-ак... – прорычал Людвиг.

Он взял Георгия за шиворот и выволок на середину комнаты.

– Показывай карманы!

Георгий медленно переложил дневник подмышку и вывернул наизнанку оба кармана брюк. Там ничего не было, кроме пары спичек.

Людвиг метнулся к письменному столу, выдвинул ящик, где у него лежали деньги, паспорт и диплом – все на месте. Скользнул взглядом по сиденью стула: нет ли там канцелярской кнопки.

– Я знал, что ты в этой школе надолго не удержишься! И твой полоумный братец тоже!

Георгий стоял неподвижно и угрюмо, как человек, ожидающий приговора.

– Стало быть, за дневником? Ну что ж, ну что ж... – Людвиг злобно бормотал себе под нос, меряя комнату быстрыми шагами. – Это тебе так не пройдет!

Его свирепый, колючий взгляд впился в холодные глаза Георгия. В этот момент за дверью пронзительно залился звонок. Людвиг как будто о чем-то вспомнил, и уголок его рта издевательски прыгнул вверх.

– Какой у вас сейчас урок?

– Руны, – фыркнул Георгий.

Людвиг подошел к нему и опять схватил за воротник. Георгий вдруг заметил, что руки у Моргенштерна маленькие, тощие с хрупкими, почти детскими пальцами. Сломать такие пальцы было бы нетрудно.

– Идем!

Он повел Георгия к выходу. Георгий резко вырвался и начал поспешно опускать задранные штанины.

– О нет, нет, нет! Ты пойдешь туда в *таком* виде! Как шут!

Моргенштерн снова ухватил Георгия и с бешеной энергией потащил по коридору, следя, однако, за тем, чтобы он не выбросил дневник.

– Делай, что говорю или пожалеешь!

Георгий несколько раз вырывался и с демонстративным спокойствием начинал приводить себя в порядок. Моргенштерн тут же подскакивал к нему и, шипя угрозы, тащил дальше. Они напоминали двух героев-кривляк из американской кинокомедии.

Пока они добирались до нужного кабинета, Георгий успел опустить лишь одну штанину и теперь выглядел еще хуже и комичнее, чем прежде: в идиотском наряде, с серыми от пыли руками, с занозой в локте и ободранном до крови коленом.

Когда дверь открылась, преподавательница пиктографии фрау Лефевр перестала диктовать и вслед за студентами с недоумением посмотрела на неожиданных гостей.

По рядам парт побежал изумленный шепот. Стоявший у доски Карл поджал губы и сочувственно кивнул головой.

– Прогульщик! – торжествующе объявил Моргенштерн.

Глаза фрау Лефевр полыхнули гневом.

У нее грозно подрагивали жемчужные капли в ушах, пока она смотрела, как Георгий, бледно-румяный от стыда, не поднимая глаз, идет на свое место.

– Что за отвратительный вид! Где вы были?

– Он расскажет, – улыбнулся Людвиг.

– Георгий! – произнес он вдруг бархатно-ласковым голосом. – Потрудитесь вернуть фройляйн Шмидт то, что украли.

Лефевр чуть не ахнула. Шок и негодование лишили ее дара речи. Людвиг горько вздохнул.

На глазах у всего класса Георгий молча положил дневник на стол растерянной Эрике.

Первая находка

Каждый новый день был одинаково и по-своему прекрасен. Ида просыпалась под щебет и галдеж диких птиц, начинавших свои музыкальные состязания еще в предрассветных сумерках. Скоро к ним присоединялись глупые крики петухов. Потом ласковое жужжание соседского рубанка или визг пилы.

Встав с кровати, Ида первым делом занималась йогой. Сварив кашу и позавтракав, вместе с Андреем принималась за работу.

Общими трудами возлюбленных старая дача хорошела на глазах. Порой Иде казалось, что они запустили какую-то локальную машину времени, обратив вспять неумолимый ход лет. В этой местности, где все выглядело так же, как десять и двадцать лет назад, где не только деревья, но и дома упорно плыли против течения, отказываясь преобразиться, где даже придорожные камни лежали там, где издавна привыкли, в это было легко поверить.

Покончив с делами, Ида часто отправлялась гулять по улочкам или вокруг поселка, навещая своих давних знакомых на окрестных дачах. Их осталось всего несколько человек, и все они были морщинистыми стариками, видевшими Иду еще маленькой кудрявой девочкой и запомнившими ее такой.

– Вы новые хозяева?

– Да нет же! – смеялась Ида. – Помните Ивана Семеныча? Я его внука!

– А-а...

Конец дня Ида проводила в саду на раскладном стуле с какой-нибудь книжкой в руках или просто слушая пение птиц и любуясь золотым, садыщимся за темные кроны деревьев солнцем.

Ночи были полны волшебства.

Однажды Андрей спросил Иду:

– Слушай, а почему ты носишь его на шее?

Ида поднялась с каучукового коврика, на котором все это время выгибалась и скручивалась подобно змее и, размяв свою изящную шею, повесила на нее лежавшее на столике деревянное колечко, покрытое тонкой выщесей резьбой.

– Потому что нравится. А что?

– Да нет, кольцо красивое, но почему на шее? Не на пальце...

– Видишь, в нем специальные отверстия для веревочки?

– А, ну да. Просто...

– Что?

Андрей пожал плечами, как бы заранее извиняясь за глупость, которую скажет.

– Вдруг это... как его... Кольцо Всевластия?

– Моя прелесть! – оскалилась Ида. – Нет, тогда бы оно было из металла. В деревяшке силам зла не ужиться.

День выдался необычайно жаркий. Настолько, что Ида и Андрей одновременно подумали о том, чтобы съездить искупаться на водохранилище.

Не дожидаясь, пока райскую погоду омрачит какая-нибудь неожиданность, вроде урагана, они собрали все необходимое, сели в машину и уже через полчаса расстилали циновку на колючем травянистом берегу.

В полукилометре располагался небольшой уютный пляж, где загорали отдыхающие из местного санатория. Но Ида предпочитала дикие места, а Андрею было все равно.

Андрей с недоверием оглядывал подозрительно чистый берег, в то время как Ида, цепенея и стиснув зубы от мучительного холодка, уже соскользнула по траве в студеную зелено-вато-серую зыбь.

Ледяные объятия сковали тело, ступни окутал неприятный вязкий ил. На мгновение Ида подумала, что ничего хорошего из купания может не выйти. В следующий миг она встряхнулась, оттолкнула ногами берег и, как торпеда рассекая воду, устремилась в прекрасное подобие полета.

Вода норовила забраться в нос, мокрая прядь пристала к лицу, но Ида все продолжала плыть, чувствуя себя не в силах остановиться. С каждой секундой враждебный холод переходил в доброе, обволакивающее тепло. Крохотные волны одна за другой выпрыгивали навстречу, словно играя в чехарду.

Когда Ида, наконец, расслабилась и легла на спину, то увидела, как отплывший от берега на десяток метров Андрей машет ей рукой. Ида хорошо плавала. Она бы, наверно, не смогла утонуть, даже если бы попыталась это сделать. Не шевеля ни одной конечностью, обхватив руками колени, она все равно продолжала упорно, как поплавок держаться на воде, словно некая загадочная сила не велела ей опускаться на дно.

Ида попыталась свистнуть сквозь пальцы в ответ, но свист был одним из тех искусств, которыми она владела из рук вон плохо.

Она вспомнила, что полеты, время от времени происходившие с ней во сне, по ощущениям ничем не отличались от плавания. Во сне Иде казалось, что летать вполне естественно, и она изумлялась, почему не делала этого раньше. Упасть было так же трудно, как утонуть.

Ласточка черной стрелой нырнула вниз, мастерски сцапав в полете зазевавшуюся стрекозу.

«Для птиц летать – то же, что для нас плавать», – подумала Ида. – «Обыденность...»

Она немного постояла, точнее повисела в воде, ничего не ощущая под ногами и стараясь изобразить неспешную походку. Потом выгнула спину и, глубоко вдохнув, поплыла навстречу Андрею.

– Тебе не холодно?

– Не-е, классно! – Ида плеснула в него водой, отчего Андрей тут же оскорбленно сморщился и зафыркал.

– Ты что?!

Ида рассмеялась над ним.

Они долго купались вместе. В воде Ида растеряла все свое мудрое спокойствие и прохладную немногословность. Она постоянно о чем-то вспоминала, шутила, дурачилась, ловила мальков и ныряла «за жемчугом». Андрей, как и надлежало взрослому серьезному человеку, задумчиво плавал туда-сюда, не в силах заставить себя даже окунуть в воду лицо.

Потом они загорали и снова плавали, и вновь валялись на широкой циновке под ласково накаляющим кожу солнцем.

В третий раз Ида пошла купаться уже одна. Она уплыла особенно далеко, так что, оглянувшись, не сразу отыскала на берегу маленькую фигурку сидящего Андрея.

И вдруг Ида чуть не ахнула от изумления и тут же подступившего к сердцу трепетного, смешанного с испугом восторга. Над верхушками деревьев в голубом небе, где совсем недавно

были только маленькие, рваные как кусочки ваты облачка, застыла в своем незаметном приближении громадная, бездонная металлически серая, похожая на рыхлую летучую гору с непроглядно темным днищем, на жуткое распухшее от гнева чудище, грозовая туча. Это был самый настоящий погодный парадокс! Приближалось светопреставление!

Ида глядела на тучу совершенно круглыми глазами, затаив дыхание, потом перевела взор на Андрея, который ее, конечно же, не видел и думал, что день закончится также светло и безмятежно, как начинался.

Ида поняла, что надо немедленно плыть назад. Туча как будто видела ее и уже задумала поймать, также как Ида недавно ловила крохотных мальков на мелководье.

Она огляделась по сторонам, увидела опустевший пляж и страшную свинцовую «руку» облака, коварно тянущуюся из-за леса.

Ида изогнулась и что было сил поплыла обратно к берегу. Вдруг что-то внутри заставило ее остановиться. Сбежать от грозы? Нет! Это было бы слишком просто!

«Надо что-нибудь сделать! Но что?» – думала Ида. – «Что-нибудь смелое и безумное напоследок...»

Если ей это удастся, разум увековечит этот день ярким воспоминанием на всю оставшуюся жизнь.

Ида неспешно «шла» в воде, раздумывая: что бы такое учудить?

Первое и единственное, что можно сделать, плавая на глубине – это нырнуть на самое дно. Ида не знала: получится ли у нее. Она неплохо выучилась нырять в детстве, но, когда не знаешь глубины, это может испугать, а малейший страх позволит упругой воде быстро вытолкнуть тебя на поверхность.

Ида вдохнула поглубже и, кувыркнувшись, ринулась вниз, делая широкие взмахи руками и ногами. Впереди было дно. Близкое и в то же время далекое, затуманенное зеленоватым подводным маревом. На какой-то миг Иде представилось, что там внизу ее ждут страшные торчащие палки ржавой арматуры. Они вонзятся ей в грудь, в горло. Она уже не всплывает, и лишь на темной глади водохранилища проступит кровавое пятно...

Но дно было безобидное, даже не усеянное камнями. Один только песок и мелкие, как клочки шерсти водоросли.

Ида приближалась к нему. Вода отвратительно давила на глаза и лезла в носоглотку.

С необыкновенным чувством – чувством достижения безумной, но твердо поставленной цели, Ида сделала последний рывок и по орлиному вонзила пальцы обеих рук в мохнатое дно.

Она почувствовала, как на ее безымянный палец что-то наделось – что-то вроде скрученной колечком проволоки или...

Ида отпрянула ото дна, перевернулась и понеслась вверх, вождедея приход в легкие спасительного воздуха. Ей казалось, что прошла целая вечность.

Вынырнув на поверхность, она тут же принялась сморкаться и протирать глаза, еще ничего толком не видя и слушая глухой шепот в затопленных ушах.

Когда она убирала назад волосы, то почувствовала, как вместе с ладонью по щеке прошло что-то твердое и шершавое: неизвестная штукавина все еще сидела на пальце. Основательно вытерев глаза, Ида взглянула на свою руку.

«Нет, такого не бывает! Глупости!»

Она зажмурилась и вновь открыла глаза.

«Черт!»

Ее палец украшало самое настоящее, отливающее потускневшим серебром, ювелирное кольцо.

Ида вскрикнула, судорожно засмеялась. Потом, не помня себя от волнения, всеми известными ей стилями бросилась плыть к берегу, не в силах поверить в ослепительное чудо.

«Лишь бы не потерять!»

– Ты что, от акулы убегаешь? – улыбнулся Андрей, помогая Иде взобраться по крутому берегу.

Он уже заметил наползающие тучи и начал готовиться к отъезду.

– Смотри!

– Что это?

– На дне нашла!

– Хм! А если честно?

– Я же говорю, нашла на дне!

Андрей несколько секунд недоумевающе рассматривал серебряный перстень, потом растерянно всплеснул руками.

– Ладно, я сдаюсь. Колись!

– Я тебе клянусь!

Андрей махнул рукой и, ничего не сказав, принялся скатывать циновку. Когда они через минуту садились в джип, Ида заметила на его лице довольную ухмылку. Андрей подумал, что после разговора о деревянном колечке Ида решила утереть ему нос и достала из своего тайника настоящее драгоценное кольцо, которое прежде не надевала.

Андрей принадлежал к людям, которые сворачиваются ежом, едва столкнувшись с чем-то поразительным и необъяснимым. Он был атеистом, не верил в призраков, в инопланетян и в заговоры правительств. Даже совпадения больно ударили по его простой и прозрачной картине мира, заставляя искать сколь угодно притянутые, но логичные объяснения.

Когда они выехали на шоссе, все вокруг уже сделалось неестественно мрачным и гнетущим. Ветер рвал листья с деревьев и кустов, поднимал с обочин клубы дорожной пыли. В небе за водохранилищем похожие на страшные танцующие скелеты мерцали молнии.

– Вот зараза! – выдохнул Андрей.

В лобовое стекло мощным водопадом ударил ливень. Дворники метались вправо-влево без всякого толку.

– Если разобью машину, отец убьет.

– А если разобьемся не убьет, – улыбнулась Ида.

– Иди ты! Шуточки...

Андрей недавно получил права и потому ехал тихо, боязливо прижимаясь к краю дороги. Ида любовалась поочередно то стихией, то своим новым сокровищем. Ей было плевать на металл, из которого сделано кольцо. Быть может, его изготовили пять лет назад из олова и продали какому-нибудь туристу в Турции в лавке дешевых побрякушек.

Но она достала это кольцо со дна! И достала случайно, даже не видя и не зная, что оно там есть!

Кольцо было удивительное, но довольно зловещее. Покрытое странными угловатыми символами, напоминающими буквы древнескандинавского алфавита. Вместо драгоценного камня на внешней его стороне красовалось маленькое изображение человеческого черепа.

За годы, проведенные на дне, металл покрылся темным налетом, однако, несмотря на это, Ида смогла хорошенько разглядеть этот черепок.

Ей невольно вспомнился Барабанов – у него такой блестящей чертовщины полно, судя по фото.

Вопреки своему обыкновению Ида решила впредь носить кольцо на пальце. На том самом пальце, на который оно так чудесно наделось.

Интересно, кто был его прежним хозяином? Скорее всего, какой-нибудь рокер или бородатый байкер, или татуированный панк. Потерял, когда купался или специально выбросил в воду... Но нет. Что-то подсказывало Иде, что все не так просто. Это было старое кольцо. От него веяло временем.

«Постараюсь передать тебе свою ауру!» – решила Ида. – «Даже череп можно перевоспитать!»

– Все-таки, откуда кольцо? – внезапно спросил Андрей.

– Нашла на дне.

– Вот не верю!

– На дне! – жестко повторила Ида. – На самой глубине, с первого раз, на ощупь!

– Так не бывает!

– Бывает!

Андрей начал коситься на руку Иды, разглядывая перстень, но вдруг страшно выругался и вдарил по тормозам.

Из-за поворота словно из неоткуда выкатился на шоссе громадный ничего не видящий грузовик.

– Черт! – Выдохнул Андрей. – Козлы, а!

Ида сняла с пальца кольцо и осторожно положила в карман. Остаток пути они провели в напряженном молчании.

Черная полоса

Март принес Людвигу сразу три больших огорчения, каждое из которых бросило тень на его репутацию и перспективы.

Все началось с огромного куса хозяйственного мыла, который фрау Глобке, решившая в тот день помыть паркет в коридоре, оставила на подоконнике.

Скоро в коридор высыпала стайка первокурсников, и мыло моментально оказалось на полу. Там его метким пинком отшвырнули в дальний конец коридора – мыло прокатилось на многие метры, оставляя на мокром паркете скользкий след. Оттуда кусок запустили обратно. Потом еще и еще раз. Затем, не выдержав этого безобразия, одна из учениц подобрала мыло и вернула на подоконник.

Через минуту в коридор вошел Людвиг. Будучи в приподнятом настроении, он быстрой пружинящей походкой, двинулся в сторону своего кабинета, беззаботно помахивая портфелем.

В какой-то миг его правая нога самовольно взметнулась к потолку, пол перевернулся и с оглушительной силой шарахнул сперва по затылку, а потом по спине, словно гигантская ладонь. Портфель улетел неведомо куда, но Людвиг о нем даже не вспомнил. В глазах извивались и плясали разноцветные змейки.

Первое что он услышал был перепуганный голос фрау Глобке:

– Боже мой, Людвиг! Вы в порядке? – она бежала, семена коротенькими ногами, как клуша, чей цыпленок попал в беду.

– Глупые дети, играли в футбол мылом! Извините, ради бога! Вам не очень больно?

Она принялась подымать Людвигу на глазах у изумленных учеников. Людвиг попробовал встать сам, но позвоночник пронзила острая боль. Он охнул и снова опустился на пол.

– Что, что с вами?! – заголосила Глобке.

– Ничего! – огрызнулся Людвиг.

Он кое-как, крихтя, поднялся на ноги и обвел коридор яростным взглядом.

– Где мой портфель?

– Вот тут...

– Вы за это ответите! – прошипел Людвиг в лицо хаузмайстерин.

Он был готов убить ее. Фрау Глобке побледнела, будучи в полной уверенности, что бедный Людвиг слишком сильно ушиб голову.

Людвиг ушел, сопя от злости и спиной чувствуя, как проклятые дети потешаются над ним.

Спустя три дня Людвигу пришло из дома срочное письмо, написанное отцом:

«Я получил твою телеграмму и до сих пор не могу поверить тому, что прочитал. Ты либо сошел с ума, либо напился до беспамятства. Как ты смеешь отказываться от своей фамилии и от своей семьи! Кто эта птичка, от которой ты потерял голову, словно двенадцатилетний сопляк? Что за дикие, головотяпские планы? Ты, который за всю свою жизнь не заработал ни пфеннига! Ты, который клялся продолжать великое дело наших предков! Как смеешь ты выдвигать мне условия?!

Если в тебе осталась хоть капля чести и стыда, немедленно извинись перед господином Кауцем и возвращайся домой! Я не дам тебе второго шанса осуществить себя в профессии педагога – за все нужно платить. И ты заплатишь! Покорным, кропотливым трудом. Не хочешь заниматься с учениками – узнаешь, каково работать в конторе, по десять часов не разгибая спины. И думать забудь о фривольных авантюрах, пока не научишься хоть чуть-чуть стоять на ногах!

Это мое последнее слово. Если ты не вернешься до конца марта, то никогда больше не переступишь порог нашего дома, будучи предателем и неблагодарным щенком! Спаси себя от позора! Одумайся!»

У Людвигу затряслись руки. Он поднял глаза к потолку и огласил комнату сдавленным стоном, переходящим в сумасшедший смех, полный бессильной, плотоядной ненависти.

Перед глазами вспыхивали наглые физиономии Гарцевых – это они! Несомненно, они! У Людвигу было достаточно недругов, но он абсолютно точно знал, что ни один из них, даже самый подлый, не осмелился бы пойти на такое. Это же совершенно не по-человечески, не по-мужски... не по-немецки, черт подери! Азиатское вероломство!

«Как они узнали мой адрес?» – в бешенстве думал Людвиг. – «Твари, я вас уничтожу! Я вас повешу на одном дереве!»

Он схватил со стола стакан и, не помня себя, запустил им в дверь. Стакан лопнул, как граната.

Третье огорчение, постигшее Людвигу, стало результатом грубой ошибки, которую он допустил не в последнюю очередь из-за пережитого срыва.

Однажды Людвиг, как обычно без приветствия, зашел в класс, надев пенсне, обвел учеников высокомерным взглядом, заметил старшего Гарцева, чей брат, наперекор его надеждам, так и не вылетел из школы. Правда ему тогда сделали суровый выговор, пригрозили исключением, но этим все и закончилось. Сообщить о подложной телеграмме Людвиг постеснялся.

– Итак! Сегодня мы поговорим...

Это был первый случай, когда Людвиг не успел подготовиться к уроку должным образом.

– О призраках! О том, почему призраков надо бояться, и что их отличает от э-э... нематериальных составляющих человеческого существа. Кто-нибудь скажет мне, из чего состоит человек?

Он вскинул руку, направив указательный палец в лоб грызущему на задней парте ноготь Дольфу Ланге.

– Из тела и души, – глухо ответил тот, предвкушая подвох.

– Bravo! – в ложном восхищении хлопнул в ладоши Людвиг. – А еще из одежды! Это самый примитивный ответ, который только можно было дать! Может, барышни окажутся пособратительнее?

– Нематериальная человеческая сущность состоит из бессознательной души и сознательного астрального тела, – ответила отличница Эльза Фогельбербаум.

– Именно. Душа представляет собой лишенную сознания энергетическую субстанцию, эманацию породившего нас Высшего разума, благодаря которой человеческое тело живет.

Душа не рождается вместе с телом, она существует до, вовремя и после него. Предполагается, что душою наделены все живые существа – чем сложнее организм, тем совершеннее в нем душа. Увидеть душу невозможно, если только вы не оказались в Четвертом измерении. Тогда последнее, что вы увидите в своей жизни будут такие эм-м... прелестные маленькие светлячки, парящие в воздухе.

Людвиг взял мел и нарисовал на доске что-то наподобие звезды или морского ежа.

– Астральное тело. Это уже как раз наше бесплотное сознание. Рождается и развивается вместе с телом физическим. Обретает самостоятельность во время сна (осмысленное сновидение – это и есть ни что иное, как выход в астрал). Что происходит с астральным телом после смерти доподлинно неизвестно – скорее всего оно также перестает существовать. Есть очень небольшая категория людей, способных управлять своими астральными телами и видеть чужие. Я могу с полной уверенностью сказать, что ни к кому из сидящих здесь это не относится. Если бы вы смогли увидеть астральное тело, вам бы это напомнило м-м... образ на проявляемой фотопластинке. Именно так люди в старину ошибочно представляли призраков.

Людвиг перевел дыхание. Теперь ему предстояло рассказать о том, что несмотря на его надежное знание предмета, упрямо растекалось в памяти, не давая себя систематизировать.

– Призрак! – торжественно объявил Людвиг – Призрак не является элементом человеческого существа, запомните это! Призрак – производное от человека. Зловещий след, отброс, который человек оставляет в мире, когда совершает особенно страшное злодеяние. Призрак рождается не после смерти, как принято думать, а при жизни – в момент совершения зла. Призрак разумен, но не наделен индивидуальностью. Он мертв. Поэтому не надейтесь, что, свернув шею котенку, вы сможете жить вечно.

Людвиг оскалился, но никто в классе не оценил его юмор.

– Призрак – это чистое и бесспорное зло. С момента своего появления он занимается тем, что портит жизнь тому, кто его породил и всем людям, до сознания которых сможет дотянуться. Призрак, как и душа существует вечно. То есть, не совсем, – Людвиг снова взял мел и принялся чертить на доске. – Если жизнь души – это прямая без начала и без конца, жизнь астрального тела – отрезок, то существование призрака выглядит как луч. По мере того, как происходит все больше злодеяний, мир пополняется новыми отбросами!

Эльза деловито подняла руку.

– Прошу прощения, господин Моргенштерн! Я бы хотела знать, какую опасность представляет призрак для случайного человека и можно ли его увидеть?

– Разумный вопрос, фройляйн. Призрак не будет представлять для вас угрозы до тех пор, пока вы не согласитесь играть по его правилам. Он будет пытаться вас заинтриговать, запутать, будет подбираться к вам через сны, через ощущения дежавю, через какие-то порой даже зрительные эффекты. Призрак обретает силу, когда вы сами начинаете в него верить. Большинство шизофреников не так больны, как кажется, и не даром их процент растет год от года.

– Значит, призрак можно увидеть?

– Да. И не только увидеть, но и услышать, и почувствовать. Он может принять какой угодно облик в вашем воображении. Но, конечно же, не сразу.

Сидевший все это время тихо Роман Гарцев вдруг вяло поднял руку.

– Да, – с отвращением, будто сплевывая, промолвил Людвиг.

– Простите, а если я хочу жить вечно, что я для этого должен сделать?

– Для начала сидеть молча! Таким как вы молчание очень продлевает жизнь.

– Да? – невозмутимо хмыкнул Роман. – А я где-то читал, что для этого нужно всего лишь сделать себе филактерию. И никаких котят не надо душить!

Людвиг почувствовал, как у него непроизвольно задергалось правое веко.

– Вы можете что-нибудь рассказать про филактерию? – продолжал Роман с вычурным русским акцентом.

В классе начали посмеиваться.

– А с какой стати вам это интересно?

– Научное любопытство.

– Хм... Ну что ж, я могу рассказать вам про филактерию, – сквозь зубы произнес Людвиг, медленно и зловеще-бесшумно подходя к столу Романа. – Предположим, вы решили растянуть свою смерть... Не жизнь, нет! Именно смерть, умирание! На много лет. Предположим, ради этого вы готовы пройти через состояние, сравнимое с эм-м... разложением заживо. Если это вообще можно с чем-то сравнивать. Предположим, вы гений, рядом с которым жрецы Древнего Египта, Мерлин и Парацельс – жалкие посредственности. Тогда флаг вам в руки! Да – один нюанс! Если вы хотите умирать долго, потрудитесь найти и завладеть душой еще *не* родившегося на свет человека, на котором будете паразитировать до конца его дней. Простая коробочка вас от смерти не спасет.

Роман присвистнул.

– Значит, буду как Кощей!

– Пошел вон!

Роман покорно встал и, понимая кивнув, вышел из класса.

После занятий Людвиг неожиданно вызвали в преподавательскую. С покалыванием в сердце Людвиг открыл дверь и тут же убедился в верности своих самых худших опасений.

Шесть пар глаз: директора Кауца, господина Голлербаха, фрау Лефевр, господина фон Хесса, господина Вальтера и гостя из Ливии почтеннейшего Омара ибн Махлуфа овеяли Людвиг недобрым холодком.

– Присаживайтесь, – сухо, но без излишней суровости произнес директор, кивнув на свободный стул.

Людвиг повиновался.

– Повторите пожалуйста то, что вы рассказывали сегодня третьему курсу.

– Я... рассказывал о природе призраков. Также о том, чем они отличаются от астральных тел...

– Про филактерии вы что-нибудь говорили?

«Донос!» – с содроганием подумал Людвиг. – «Но кто? Кто?!»

– Да... Мне задал вопрос один студент. Я не собирался затрагивать эту тему, но...

– Вы не имели права ее затрагивать! – ядовитым тоном поправила Лефевр.

– Извините. Я понимаю... Но я рассказал это лишь с целью уберечь учеников от... опасных соблазнов.

– Людвиг, вы ведь понимаете, о чем речь? – печально спросил профессор Голлербах, потирая лоб. – Вы обсуждали с тринадцатилетними детьми теорию, которая...

– Это не теория, это лжетеория! – гневно прервала Лефевр, так, что даже Голлербах посмотрел на нее с виноватой растерянностью.

– Лжетеория, – спокойно согласился Кауц.

– Вы признаете степень вашей ответственности перед школой и перед обществом? – грозно проговорила Лефевр, буравя Людвиг взглядом.

Ее сережки снова подрагивали.

– Да.

– В наше гибельное время эта школа кое-как пытается быть островком благопристойности и здравомыслия, – трагично пропел преподаватель артефакторики господин фон Хесс, чье тощее лицо пряталось под роскошной седой шевелюрой, как черепаха под панцирем. – Не добивайте нас, молодой человек, не заносите в наши стены химер!

Его нарочито жалостливый, издевательски-молящий тон подействовал на Людвигу хуже, чем гром и молнии фрау Лефевр.

Кауц вопросительно посмотрел на приват-доцента Вальтера, который все это время равнодушно дымил сигаретой в углу.

– По-моему, все очевидно, – Вальтер с циничной легкостью пожал плечами, бросив на Людвигу уничтожающий взгляд. – Этому человеку не место в Шварцколье!

Людвиг похолодел. На долю секунды ему захотелось стать бомбой, взорваться, убить самого себя и всех сидящих рядом. Они говорили о нем, как о преступнике, как о ничтожном дураке!

Между тем взоры присутствующих привлекла к себе странная улыбка на лице ибн Махлуфа.

Почтеннейший ибн Махлуф весело, без сарказма поглядывал на Людвигу, накручивая на палец свою черную как смоль бородку.

– Людфир! – он оскалил кривые желтые зубы. – Я не говорил так... Нет, не надо уходить! Людфир очень мудри, но очень молодой юнош. Он делает ошибки – это плохо, но это хорошо для... для опыт. Это не страшно! Но вперед осторожней, осторожней!

Он подмигнул Людвигу озорным глазом.

– Людвиг, вы можете пообещать, что ничего подобного больше не повторится? – выдохнул профессор Кауц, мрачно разглядывая свои костлявые руки, покоящиеся на столе.

– Да, я обещаю.

– Вы свободны.

Людвиг встал из-за стола, откланялся и без надежды услышать от директора напоследок доброе слово, быстро вышел за дверь.

Ему хотелось сдохнуть.

Вторая встреча

Они жили на даче уже месяц и, кажется, были готовы остаться там хоть до конца жизни. Ида насобираала у соседей живых цветов и переселила их в свой сад. Словно по волшебному зову к цветнику тотчас припорхали пировать разноцветные бабочки: рыжие, желтые, шоколадные, а еще деловитые пчелы и пушистые шмели.

Андрей тоже не сидел, сложа руки: обнаружив на чердаке дома и под козырьком бани два осинных гнезда, он отважно взялся их ликвидировать. С первым Андрей легко справился, обернув его в пластиковый мешок и предав огню. Воодушевленный победой он принялся за второе, но получил страшный и безжалостный отпор.

– Зар-разы! – стонал Андрей, прижимая ледяную марлю к распухшему лбу. – Всего-то на всего... хотел их истребить!

– Просто они глупые и не понимают, что должны умереть ради нашего блага, – подтрунивала Ида.

В начале июля Ида поведала Андрею о мечте, которая постепенно зрела в ее сердце все это время. Это была дикая, безумная мечта. Мечта достойная самого безответственного, избалованного ребенка. Но великая. Ей хотелось отправиться в самостоятельное автопутешествие по Европе.

Андрей колебался, с трудом заставляя себя поверить, что это осуществимо. Проработав три года в престижной аудиторской компании, он скопил достаточно денег, чтобы оставить бесперспективную должность. Свободного времени было немерено, нужда еще лишь крохотной точкой темнела на горизонте. Но все-таки отправиться в самостоятельное путешествие по нескольким странам на отцовской машине – столь безбашенные решения были Андрею не по нутру.

Ида стояла на своем.

– Ладно, – сказал Андрей после трехдневных раздумий. – Собственно, почему бы нет?

Маршрут был разработан, и на следующее утро Андрей поехал в Москву забрать загранпаспорта и заказать визу. Ида, которая теперь с трудом представляла себя в пыльных и душных каменных джунглях, осталась на даче.

Ей было немного неловко перед Андреем. Все же она убедила себя, что это прекрасное приключение ему так же необходимо, как ей самой.

В свой двадцать один год Ида уже успела объехать полмира и побывать в семи европейских странах. Андрей был только в Тунисе, Турции, Болгарии и Латвии (если не считать за границу Крым и Беларусь). Это необходимо было исправить.

Пока Андрей был в Москве, Ида съездила в Минск. Разделавшись с выездной рутинной, она собиралась вернуться на дачу, но тут же осознала, насколько может оказаться скучно жить там одной. Андрея не будет еще несколько дней, а, может, и неделю. Копаться в саду? Болтать с пенсионерами? Предаваться меланхолии на закате?

Открыв интернет, Ида пробежалась глазами по достопримечательностям.

«Замки, дворцы, церкви...» – она подумала, что на удивление плохо знает собственную страну. Может быть, потому что всю жизнь интересовалась другими.

«Повсюду интересно, а у нас скукота...» – дурацкий стереотип, привитый еще в детстве. – «Мы самые скучные, самые бедные, самые маленькие, у нас плохой климат...»

– Надо исправлять! – сказала себе Ида.

Через два часа она уже тряслась в переполненном рейсовом автобусе. День был серый. Небо устилали тяжелые облака, отчего казалось, что на улице по-октябрьски холодно. Но там было наоборот: влажно и душно, почти как в теплице.

Ида вышла на остановке посреди крохотного ни то городка, ни то поселка с парой-тройкой нарядных домишек в центре, сделанных под старину.

Хмурая таинственность погоды завораживала и будоражила одновременно. Ида пошла в направлении католического храма. Костел из бурого кирпича торчал угрюмым великаном за белой облупившейся стеной. На башне виднелся тонкий крест, на котором застыла, вперив глаза вдаль, неприветливая ворона.

Ворон здесь было очень много. Еще подъезжая к городку, Ида увидела на деревьях нагоящее жуть обилие черных, косматых гнезд.

Ида попробовала зайти в костел – заперто. Двинулась вниз по дороге, мимо серых ветхозаветных избушек и вишен, туда, где горделиво и величественно, будто вырезанный из открытки, возвышался старинный замок.

Ида видела его лишь однажды в детстве, но еще ни разу не была внутри. При всей своей громадности замок вызывал чувство странного умиления: как будто огромная игрушка или шоколадно-кремовый торт в виде замка.

Гений архитектора не стал превращать его в грозный оскал высоких башен с презрительными бойницами окон и зловещей пастью ворот. Таких чудищ уже вдоволь понастроили в более темные века. Замок выглядел очень добродушным, но, конечно, не лишенным надменности (как и подобает всем великим памятникам европейской архитектуры).

Ида шагала к нему по булыжной дорожке вверх по склону, улыбаясь озорным порывам ветра и чувствуя, что идет навстречу сказке. Мимо проходили редкие туристы. Где-то горлалили вороны.

Прежде, чем заходить во двор Ида решила обойти замок, чтобы сфотографировать его со всех сторон. На вершине холма ветер настолько раззадорился, что длинные волосы Иды трепались, как знамя на флагштоке.

Когда Ида нацеливала фотокамеру мобильного, до сих пор не смолкавший вороний ор сделался вдруг особенно пронзительным и злым. Ида еще нигде ни разу не слышала такого яростного многоголосого карканья.

«Переругались они там что ли?»

Вдруг она заметила, как из одной башни словно полчище крылатых разбойников вырвалась стая черных ворон. Подчиняясь какому-то сложному инстинкту, а, может, и вполне осознанно они в мгновение ока собрались в огромное подобие шара. Вороны гнали прочь от замка маленькую, перепуганную до смерти галку, которая отчаянно и беспомощно трепетала своими короткими крыльями.

Иде казалось, что она вместо сказки попала прямиком в готический фильм ужасов. У нее захватило дух.

Вороны уносились все дальше, пока не исчезли за кронами леса. Там они, кажется, расселись на ветвях и продолжили насмешливо перекаркиваться, словно хвалясь друг перед другом своей лихостью. Потом, разом поднявшись в воздух, шумной ордой полетели обратно в замок пировать победу.

«Нечестивцы!» – покачала головой Ида.

Хотя в душе она восхищалась воронами: они продемонстрировали то, чего невозможно дожидаться от их скучных и ушлых городских собратьев, давно испорченных цивилизацией. Это было настоящее средневековое воронье!

В следующий час Ида исследовала весь замок, от узких и опасных винтовых лестниц, где каждый шорох отдавался многократным эхом, до просторных, утопающих в роскоши залов и спален. Всюду красовались манекены кавалеров и дам в старинных литовских и польских нарядах, а также похожие на пустые черепахи панцири рыцарские доспехи. На стенах распластались волчьи шкуры, висело оружие, полотна. Выцветшие гобелены рассказывали о чем-то великом и давно минувшем.

Когда Ида вышла из замка, облака уже рассеялись и в небе сквозь тончайшую дымку улыбалось бледное солнце.

Минуя группу иностранных туристов, Ида заметила выходящую из ворот впереди нее черноволосую девушку в темных очках с зачехленной гитарой на плече. Ида близоруко прищурилась. Она ускорила шаг, хотя прекрасно знала, что таких совпадений не бывает. По крайней мере, почти не бывает. В теории.

Она поравнялась с брюнеткой так, чтобы ее профиль под очками можно было разглядеть.
– Галка!

Девушка остановилась, в недоумении глядя на Иду. Потом сняла очки и сверкнула белыми зубами из-под вишневых губ.

– Мир тесен...

– Ха-ха! Слушай, вот так совпадение!

Ида подумала, что Андрей, будь он сейчас здесь, кусал бы ногти от отчаяния, не в силах объяснить это наглое, вопиющее чудо.

– Это знак свыше! – улыбнулась Ида.

– Да уж, дьяволыщина в чистом виде! Куда направляешься?

– Я на остановку. Домой. В смысле, на дачу.

– А где твой... Сергей или как его?

Ида сделала неопределенный жест.

– В Москве.

– Та-ак... – Галка подняла брови. – Поссорились?

– Нет, по делам уехал.

Галка разочаровано фыркнула.

– Жаль! Я уж думала: нас ждет целая череда совпадений, вплоть до того, что съели на завтрак.

– А ты куда?

– В Брест. Домой, как и ты.

Ида отметила, что кроме гитары и небольшой сумки на плече у Галки с собой ничего нет.

– Можно сказать, путешествую автостопом по стране.

Они разговорились. Ида была убеждена, что такое совпадение, по сути, настоящее чудо (и уже второе за это лето) не могло произойти просто так. В этом должно быть скрытое послание. Когда оказалось, что возвращаться Галке особо некуда и не к кому, Ида вдруг предложила несколько дней пожить вместе на даче. Впервые саркастичные Галкины глаза наполнились искренним, почти детским изумлением.

– А если я воровка? Или маньячка?

– Ты не воровка и не маньячка.

– А может, у меня вместо гитары там снайперская винтовка?

– Класс! Научишь меня стрелять!

Ида засмеялась, Галка стесненно улыбнулась краешками рта. Вечером того же дня новая подруга, частично убрав с лица привычную высокомерную мину, разглядывала участок Иды.

– Хм... а интернет тут...

– Не ловит. Да фиг с ним! Любишь настолки?

– Лучше «Покер».

Галка вздохнула и обратила на Иду взгляд, в котором переплелись неловкость, благодарность, недоверие и грусть.

– Я завтра уеду.

Ида пожалала плечами.

– Как хочешь. Хотя нет, ты уедешь послезавтра!

– Почему?

– Потому что приехать к вечеру и уехать на следующий день – это глупо.

– Мне просто реально как-то... Я тебя не понимаю.

– Смотри. Мы с тобой встретились второй раз благодаря совершенно невероятному совпадению. В жизни так не бывает, согласна? В кино – да. В книгах – с натяжкой (если автор такое допускает, его тут же заклеивают критики). Но в жизни – нет! Если жизнь нас опять свела, значит ей, а точнее нам это по какой-то причине очень и очень нужно. Я никогда не поверю, что подобные фокусы судьбы ничего в себе не несут.

– Ну и?

– Надо выяснить: зачем!

Галка сдержанно усмехнулась и посмотрела на Иду, как на ребенка.

– Ты не куришь?

– Нет. Предпочитаю жасминовые палки. Но тебе не запрещаю.

Галка осталась. На день, на два. А потом и вовсе дождалась возвращения Андрея. Все это время Ида учила ее бездельничать и получать удовольствие от жизни. Галка отвечала в свойственной ей циничной манере, но время от времени смущенно предлагала какую-нибудь помощь или вновь порывалась уехать, чтобы не объедать малознакомых людей.

По вечерам они играли в «Эволюцию» или на гитаре. Галка исполняла песни на немецком и французском, темного таинственного содержания. Ида пела то, что писала сама. Ее песни были добрые, светлые, всегда с каплей самоиронии, хрупкими бабочками взмывающие к далеким звездам. Даже чужая, черная как перо ворона гитара в ее руках менялась до неузнаваемости, становясь чуткой и покладистой.

Со временем Галка расслабилась на столько, что все чаще забывала натягивать на себя привычное амплуа. Ее лицо, посвежевшее и загоревшее, больше не сочеталось с искусственной чернотой волос и злыми печатями татуировок на плечах и спине.

Как-то вечером накануне возвращения Андрея Ида и Галка вышли из бани, которую так и не сумели растопить, и сели ужинать. Комнату освещал слабый розоватый ночник. Крупный мотылек, бросался, как безумный на абажур и тут же взмывал к потолку, отбрасывая на него страшную тень. Ида отворила дверь и, погасив свет, с огромным трудом выгнала мотылька в родную ночь.

– Теперь комары спать не дадут! – вздохнула Галка.

– Я тебе дам репеллент.

Ида отхлебнула чаю с малиновыми листьями.

– Завтра поедешь?

– Да.

– Я думаю, нам надо м-м... задать друг-другу вопросы и честно на них ответить.

– Хорошо, – кивнула Галка.

Она уже привыкла к порой просыпавшемуся в Иде дотошному психологу.

– Галь... зачем тебе это все? В смысле: татуировки, железки на теле – это же вредно и больно... и на всю жизнь! Курить еще вреднее. А черный цвет, который ты любишь – это вообще не цвет, а просто пожиратель других цветов.

– Муньос и Музиоль тебе тоже не нравится?

Ида помотала головой.

– Нет.

– Боль меня не пугает, Стрекоза, – сказала Галка.

(Она дала Иде такое прозвище за ее удобу и большие очки)

– Меня тоже. Отчасти. Если говорить о спортивной боли. А любая другая боль – это всегда зло, и лучше ее избегать.

– А как же рожать будешь? – усмехнулась Галка.

В ее глазах ожил колючий огонек.

– Не знаю, – честно призналась Ида.

– В жизни случаются вещи, после которых перестаешь ненавидеть боль и мрак и начинаешь как бы... проникаться ими. Это похоже на... В общем, не поймешь, пока не почувствуешь.

– Я понимаю.

Наступило сонное молчание. Ида подобрала под себя озябшие ноги, словно решила помедитировать за столом, и закрыла глаза. Галка вертела в пальцах зажигалку, тоскуя по сигаретам. Ни играть, ни петь не тянуло. За окном как сумасшедшие трещали кузнечики, точа друг о друга свои длинные лапки.

– Теперь ты мне ответь, – промолвила вдруг Галка. – Мне здесь все очень нравится, честно. Спасибо! Но... я так и не поняла, *что* ты хотела во мне разгадать, когда привела меня сюда? Я просто ставлю себя на твое место и... я бы никогда так не сделала. Только из-за того, что мы второй раз случайно встретились.

– Я верю в судьбоносные встречи и совпадения. Я же тебе рассказывала про то кольцо.

– Да. Офигенный случай!

– А еще... – Ида просто улыбнулась и пожала плечами. – Здесь по ночам немного не по себе одной.

– Да ладно! Ты же в России жила. Уж там-то гопники на каждом углу.

– Нет. И не наговаривай на Россию... Я о другом.

– Чудищ боишься?

– Да. Знаешь, когда ночью сидишь с зажженным ночником, а из темноты к тебе в окно какие-то белые бабочки, мошки лезут. Или комар длинноногий скачет по стеклу... У-ух! Мне они почему-то напоминают ужасы из Босха.

– Хм, да... Как сейчас!

– И кажется, будто они часть чего-то большого, того, что спряталось в темноте и не хочет показываться. До поры.

– Знаешь, кто из писателей этого боялся?

– Кто? О-о, нет, не подсказывай, знаю! Гоголь! – Ида самодовольно вздернула нос. – Писал про чертей, и сам же потом ночью дрожал от страха. Я читала.

Галка недоуменно хмыкнула, видимо загадав совсем другого человека.

Ида снова задумчиво опустила глаза.

– А еще когда солнце светит сквозь лес на закате, перед самым заходом. Кроны деревьев становятся почти черными... Тоже кажется, что там кто-то прячется и следит. Кто-то или что-то. Очень большое.

– Чудо-юдо болотное! – низким загробным голосом промолвила Галка, жутко заглядывая в глаза.

– Ах-ха! Ты тоже о нем подумала?

– Да, а че? Мы все жертвы русских сказок и советской мультипликации. Ассоциативный ряд из детства тянется. Еще скажи, что тебе не являлись в страшных снах все эти... медведи на липовой ноге.

– Я наверно поздно родилась.

Галка некоторое время молчала, словно собираясь духом.

– А я, раз уж на то пошло, терпеть не могу собак.

– Почему?

– Не знаю. Просто фобия.

Ида вспомнила, как лет пять назад во время отдыха в Крыму она возвращалась с моря и среди холмов на безлюдной дороге повстречала свору бродячих собак. Они зарычали, начали вскидываться и лаять. Одна даже попыталась тяпнуть Иду за ногу. В ту минуту Ида была дико напугана, но каким-то неведомым образом мобилизовала все свое самообладание и железным шагом прошла мимо псов, не сорвавшись на бег, не закричав и даже не обернувшись. Собаки полаяли и убрлись восвояси.

Потом Ида узнала, что настоящие псы-убийцы нападают, вместо того, чтобы брехать и топорщить шерсть (прямо как люди).

– Ладно, я спать!

Галка встала из-за стола и пошла чистить зубы.

Когда она раздевалась у себя в комнате, Ида сняла свой серебряный крестик и, подойдя к Галке, настойчиво вложила ей в руку.

– Вот, бери.

На миг она подумала, что дарить надо что-то другое. Все-таки крестик – это крестик...

– Ты че?

– Бери!

– Ладно. Ах да, ты же буддистка!

– Да какая я буддистка... Просто хочу, чтобы у тебя кое-что осталось от меня.

Галка повесила крест на шею.

– Я тебе тогда тоже подарок сделаю.

Галка покопалась в своем мешочке с украшениями и достала круглый бронзовый кулон, величиной с пятирублевую монету, который носила в первый день знакомства.

– Это... а-а это тот солнцеворот?

– Черное солнце.

– Точно.

– Мой парень... уже бывший нашел, когда занимался раскопками вместе с Барабановым. Тут недалеко. Старая вещица. Не знаю, насколько древняя, но точно не фальшивка.

– Спасибо, Галь. Ой, а ничего что...

Галка небрежно махнула рукой.

– Ничего! Мне теперь не нужен ни он, ни его подарки.

Ида повесила оберег себе на шею и крепко обняла подругу за разрисованные плечи.

– Стану язычницей!

Старый гауптман

В первый свободный день Людвиг сразу же поехал в Зенфтенберг, чтобы отправить отцу телеграмму с объяснениями. Он тщательно обдумал каждое слово, прежде чем колеса старомодной, нанятой в Шварцколье брички затрещали по булыжным улицам небольшого скупящегося города.

Подходя к зданию почтамта, Людвиг услышал протяжный паровозный свист, донесшийся со стороны железнодорожной станции. В этом звуке было что-то утешительное, манящее.

И вдруг на какое-то мгновение Людвигу страстно захотелось наплевать на Шварцкольт, купить билет до Мюнхена, вернуться домой. Пусть этому не будет оправдания, и отец не захочет его видеть, и следующим местом его работы вероятно станет закуток клерка в банкирском доме Ваксберг и К^о. Да, да именно так и будет... И все же он хотел вернуться, ибо чувствовал, что Шварцкольт еще вытрет об него ноги.

Отослав телеграмму, Людвиг отправился гулять по городу. Как и во всех старых провинциальных городках тут были красивые дома с маленькими окнами и высокими черепичными крышами, построенные еще на заре позапрошлого века. Громадная церковь из красного кирпича разливала вокруг себя нежное дыхание органной музыки. На Марктплатц по-утреннему тихо стучали туфли рассеянных прохожих, цокали копыта. Голоса мальчишек-газетчиков, стоявших по углам с сонно-равнодушным выражением лиц, назойливо и бездарно разгоняли тишину:

– Забастовки рабочих в Берлине!

– Столкновения в Гамбурге! Десятки раненных!

«А, может, и лучше жить на отшибе?» – подумал Людвиг. – «Пока родина не перебесится со своей собачей свободой...»

Кажется, он уже успел подзабыть все прелести жизни больших городов в тяжелые времена.

Чтобы избавиться от невеселых мыслей Людвиг начал посматривать на девушек. Он подходил то к одной, то к другой, заглядывал в глаза, надеясь отыскать в них кое-что, осязаемое глубоко на подсознательном уровне.

– Разрешите с вами познакомиться! – он произносил эту банальнейшую фразу, от которой несколько лет назад сам заливался краской, с отточенным изяществом актера и равнодушным рыбака, забрасывающего удочку.

Молодые фройляйн вежливо отстранялись или отшучивались, что, впрочем, не удивляло и почти не огорчало Людвигу. В Мюнхене он имел некоторый вес – как никак, его отец был председателем возрожденного Общества баварских иллюминатов, основателем кафедры в Университете Людвиг-Максимилиана и почетным членом венского «Малого круга». Но здесь, в глазах непосвященных провинциалок Людвиг был всего лишь низкорослым учителем без гроша в кармане, работающим в какой-то нелепой школе оккультных наук. Большинство немагов имело о ней самые смутные, порой даже оскорбительно-дикие представления, и Людвиг понял, что надежнее будет создать себе легенду.

Зайдя в уютное кафе, он подозвал миловидную официантку и заказал обед, напоследок в который раз изъявив желание познакомиться. К величайшему изумлению Людвига в глазах девушки вдруг вспыхнул многообещающий огонек.

– После работы, – улыбнулась она. – В семь часов жди возле задних дверей.

Людвиг повеселел.

Новая знакомая жила на окраине Зенфтенберга, там, где старые ветхие дома с протекающими крышами и чахлые сады, переделанные под картофельные огороды, уже не могли скрыть мрачное лицо нового времени.

– Ты наверно не был на фронте, да? – лукаво спрашивала Роза.

– И не жалею.

– Правильно. У меня братец оттуда вернулся. С тех пор только пьет и хнычет, как младенец. Работать не хочет!

– Я могу его понять.

– А я нет. Вот и пришли!

Они подошли к длинному облезлому дому, больше похожему на солдатскую казарму. Во дворе двое мальчишек пытались играть в кегли колесом от телеги.

Роза развернулась и вдруг шутливо чмокнула Людвига прямо в лоб.

– Ну все, пока! Спасибо, что проводил.

Людвиг почувствовал, как крылья за его спиной сохнут и отваливаются, словно мертвые листья.

– Еще увидимся!

– Вряд ли, – он хмуро пожал плечами. – Я живу далеко отсюда.

– А где?

– Неважно. Пока!

Людвиг махнул рукой и в серых вечерних сумерках побрел искать место для ночлега.

Все правильно – Роза была на пол головы выше, чем он!

Людвиг шел по каким-то мутным улочкам, ругая себя за мягкотелость и гадая, сколько может стоять дрянная комнатуха где-нибудь в трактире.

Неподалеку от пивной две тени зажимали в углу третью, которая поливала их яростной бранью. Людвиг принял было их за повздоривших пьяниц, но угрожающий трезвый шепот и насмешливо-злой тон быстро убедили его, что перед ним разыгрывается омерзительнейшее действо.

– Что, падаль? Думаешь, нацепил форму, и можешь на меня пасть раскрывать?

– Я вам глаза выдеру!

– Чего?!

Один из парней смачно отвесил старику оплеуху, потом схватил его за грудки и с ревом швырнул об мостовую. Старик упал грузно, как куль, даже не вскрикнув. На нем был какой-то тяжелый плащ или шинель, и Людвиг не сразу разглядел, что у него только одна нога. Позади валялся его костыль, мятая фуражка слетела с головы.

Мерзавцы разразились грязным вороньим смехом. Тлеющие огоньки папирос освещали их дикарские лица.

Кряхтя и сопя, старик начал делать попытки встать на ноги. У него не выходило. В полумраке Людвиг различил на его плечах офицерские погоны, кажется, обозначающие гауптмана старой имперской армии.

Он посмотрел на желтые окна кабака, возле которого, как на зло не было ни одной живой души. Внутри гремел джаз. Лишь у забора какая-то сумасшедшая спорила сама с собой и семенила взад-вперед.

Людвиг понял, что вот-вот подпишет себе приговор: его побьют и вероятно унизят. Быть может, настоящий мужчина на его месте уже дрался бы с этими бандитами? Быть может, ради отца и матери ему стоило пройти мимо?

– Прекратить! – бешено взвизгнул Людвиг и оцепенел от собственного бесстрашия.

Стоявший слева верзила перестал ржать, выплюнул папиросу и неспеша двинулся к Людвигу, лениво разминая пальцы.

– Храбрый, да?

– Вы... вы... – заикаясь пролепетал Людвиг.

Верзила взял Людвиг за лицо шершавой обезьяньей лапой и с невероятной силой хватил его об стену, так, что в следующий миг Людвиг уже сидел на земле, с гудящей головой и отбитым задом.

– Отдохни!

– Ладно, хорош! – суетливо сказал тот, что был пониже ростом. – Еще увидят.

– И чтоб ты знал, мы его не грабили! – рявкнул верзила Людвигу. – Просто поучили хорошим манером! И тебя поучим!

Они ушли, мерзко переговариваясь и фыркая.

Людвиг с трудом поднялся на ноги, дивясь что все кости целы.

Одноногий, страшно ругаясь, все еще пытался встать. Он уже добрался до своего костыля, но это не помогло – ему не хватало ловкости.

Людвиг подошел к старику и осторожно помог ему, чувствуя забирающийся в ноздри запах водки и нечистой одежды. Поднял с земли фуражку.

– Мрази! – прохрипел офицер.

Он посмотрел на Людвиг, и Людвиг впервые отчетливо разглядел его черты.

Это было жуткое опухшее лицо человека, которому, быть может, еще не исполнилось пятидесяти, но война и последующий образ жизни уже надели на него маску глубокого старика. Он был небрит. Давно нестриженные волосы выбивались из-под фуражки грязными полуседыми патлами.

И все же это был не обычный бродяга из опустившихся ветеранов. Прежде всего Людвиг поразили его глаза. В них не было той мертвой скорби или застывшей черной ненависти, которую люди обычно приносили с войны. Это были живые блестящие глаза с маленькими шальными зрачками, как электрический свет излучающие безумие. Глаза, которые у нормальных людей бывают лишь раз или два за всю жизнь, в ее самые роковые секунды. Во-вторых, Людвиг отметил, что несмотря на следы затяжного пьянства, у гауптмана достаточно аккуратный, словно выточенный орлиный нос, тонкие губы и острый подбородок, каких невозможно встретить у заплывших пьяниц. И в-третьих: Людвиг еще никогда ни у кого не видел такого оскала. Из обожженной щели рта выглядывали кривые страшные зубы – не такие, как у ибн Махлуфа, не изъеденные болезнью, не разбитые в драке. Они вообще мало походили на человеческие, по форме скорее напоминали ногти.

Гауптман с внезапным испугом провел рукой по груди и облегченно вздохнул, нащупав крест Фридриха-Августа, прусский Железный крест и еще несколько неизвестных Людвигу орденов.

– Ублюдки! – прошептал он, яростно посмотрев вслед давным-давно скрывшимся недобрякам.

– Шваль! – согласился Людвиг.

– Ох, парень... Таких как ты в наше время раз-два и обчелся, – улыбнулся гауптман.

В его безумных глазах вдруг оживилась простая человеческая благодарность, из-за чего он сразу же сделался жалким.

– Сейчас рот открыть – уже подвиг.

– Вам нужна помощь? – спросил Людвиг.

– Пожалуй. Я вижу, ты верный товарищ, так что... – он посмотрел в сторону пивной. – Может выпьем с тобой по кружечке м-м?

Людвиг понял, что бывший гауптман действительно бывший. Должно быть, в нем не осталось уже ни капли офицерской чести. Напиться за чужой счет – вот его единственный идеал...

«Как я смею!» – подумал Людвиг.

– Да, конечно. Вам помочь дойти?

– Нет уж, спасибо, я сам.

Людвиг заметил валявшиеся на мостовой три спичечных коробка, один из которых был раздавлен.

– Это ваше?

– А... да. Мой товар, – гауптман грустно усмехнулся, ощерив свои осколки. – Гешефт! Только этим и живу.

В пивной было светло, шумно и обыденно до тошноты.

Людвиг и гауптман расположились за столиком возле веселой компании. Людвиг заказал две кружки «Кромбахер», хоть и не был почитателем этого напитка, да и вообще хмельного.

– Если позволишь, я не буду представляться, – промолвил гауптман, вперив в Людвига свои оловянные зрачки.

Он жадно припал к кружке, одним глотком опустошив ее на треть.

– Знаешь, кто были те болваны, которые полезли ко мне?

– Коммунисты? – пошутил Людвиг.

– Коммунисты... – проворчал гауптман, злобно сверкнув глазами. – Нет... Это будущее! Наше будущее! И твоих детей тоже!

Кажется, впереди Людвига ждал обильный поток пьяного брызжания. За его же деньги.

– Ты не воевал? – спросил гауптман с каким-то хмурым ни то вызовом, ни то упреком.

– Я не имел чести, – ответил Людвиг.

– Да, это по глазам видно. А я вот...

Людвиг с искренним уважением и сочувствием покивал головой.

– Кем работаешь? Студент?

– Нет, я учитель.

– Где?

– Школа оккультных наук в Шварцколье.

Вопреки его ожиданиям оказалось, что гауптман знает, о чем идет речь.

– Хэх! В Шварцколье, значит? И что за работа? Учишь молодежь всяким фокусам?

– Оккультизм – это не фокусы, – вздохнул Людвиг. – Это система дисциплин, позволяющих человеку раскрыть свои глубинные способности. К сожалению, его важность исторически недооценена. Развитие человечества пошло бы в разы быстрее, если б наука и магия нашли способ соединиться...

Он почти слово в слово повторил то, что неоднократно слышал от своих учителей.

– Бред! – гауптман презрительно махнул рукой и заказал у мальчишки-кельнера еще пива.

– Развитие... Отчего ж его тогда исторически недооценивают, м-м?

Людвиг заметил, что от алкоголя его новый знакомый быстро меняется к худшему.

– А где была твоя магия, когда на нас поползли эти... – гауптман поднял руки и закачался из стороны в сторону, изображая металлических монстров. – Где?! А когда паразиты в тылу устроили свой поганый шабаш? Мечтатели драные! М-магия, оккультизм, прогресс... Дерьмо!

Три друга за соседним столиком зашлись пьяным хохотом.

– Заткнулись все трое! – взревел гауптман, грохнув кулаком по столу.

Парни осовело уставились на старика. Потом один из них, дрожа будто бы от страха, медленно поднес ладонь к виску:

– Есть!

Гауптман с ненавистью и отвращением отвел взор в сторону и прорычал:

– Бар-раны!

Парни переглянулись и тотчас принялись ерничать, испуганно перешептываясь между собой и тревожно кивая на инвалида:

– Господин гауптман не в духе, тихо!

– Слышишь, Фриц, все из-за тебя, придурок!

– Он нам еще задаст!

– Дубье... – остервенело проскрипел гауптман себе под нос.

Людвигу пришла нелепая мысль, что, может быть, это приятели тех хулиганов с улицы – слишком уж они все были похожи.

Грянула веселая развязанная музыка, публика оживилась. Гауптман продолжал пить, уже слишком мрачный для того, чтобы вести разговоры. Людвиг гадал, сколько еще ему предстоит потратить денег, и вдруг отметил, что сам уже изрядно опьянел, хотя всего пару раз из уважения прикоснулся к кружке.

– Они все умрут! – вдруг прошептал гауптман, обводя страшным взглядом троих баранов и всех остальных посетителей пивной.

– Э-э... что?

– Знаешь, почему?

Людвиг помотал головой.

– Ты знаешь, что такое война?

Людвиг хотел сказать гауптману, что не совсем понимает ход его мысли, но тот не слушал.

– Война – это, когда взрослому мужчине, с усами и в галстукe вроде этих, ненадолго, на чуть-чуть дают право снова стать безмозглым ребенком. Безмозглым, жестоким и счастливым младенцем с деревянной сабелькой на боку. О-о, какое это наслаждение – вернуться в детство, когда все за тебя решает мама или твое правительство, а ты только и знаешь, что кричать: «Ура! Смерть врагам! За наше славное отечество!» Но война заканчивается. Нужно заново взрослеть, запускать мозги – а не выходит... Не-ет! Ты уже слишком больной и тупой. И хочется снова... Они захотят! Непременно захотят! Захотят, как миленькие!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.